
ГЛАВА ВТОРАЯ

ПАДЕНИЕ СОФИИ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦАРЯ ПЕТРА ДО ПЕРВОГО АЗОВСКОГО ПОХОДА

Значение Петра и совершенного им переворота. - Воспитание Петра. - Учителя-иностранцы. - Строение судов. - Женитьба Петра. - Столкновение с правительницею. - Намерение Софьи венчаться на царство. - Вражда Софьи к царице Наталье Кирилловне. - В. В. Голицын и Шакловитый. - Напрасное старание поднять стрельцов. - Неудовольствия со стороны Петра. - Сбор стрельцов в Кремле 7 августа. - Бегство Петра в Троицкий монастырь. - Напрасные попытки Софьи примириться с братом. Стрельцы принуждают ее выдать Шакловитого. - Розыск Шакловитого; ссылка Голицыных. Распря между близкими к Петру людьми по поводу Голицыных. - Казнь Шакловитого с товарищами. - Новые доносы на князя В. В. Голицына и отягчение его участи. - Розыск и казнь Медведева. - Отстранение Софьи от правительства и заключение ее в монастырь. - Продолжение доносов. - Новое правительство. - Ссора князя Бориса Голицына с Долгорукими. - Лефорт. - Царские потехи. - Компания. - Состояние общества. - Дела малороссийские. - Положение русских людей в польских областях. - Мазепа и Палей. - Дела об откупе.

"В одном государстве царственный ребенок, вследствие семейной вражды, гонения от родственников, подвергался страшным опасностям, спасся чудесным образом, воспитывался в уединении, среди низких людей, набрал себе из среды этих людей новую храбрую дружину, одолел с нею противников и стал основателем нового общества, нового могущественного государства, проводил всю свою жизнь в борьбе и оставил по себе двойную память: одни благословляли его, другие проклинали".

- О ком это идет речь? что это хотят нам повторять старую сказку о Кире и Ромуле: кто ей теперь верит?

Сказывается не сказка, не о Кире и Ромуле идет речь, приводятся неоспоримые известия о русском царе Петре Алексеевиче, который жил в конце XVII и начале XVIII века; пора оставить толки о сказках, о мифах и подмечать общие законы исторических явлений.

Мы видели, что во второй половине XVII века русский народ явственно тронулся на новый путь; после многовекового движения на восток он начал поворачивать на запад, поворот, который должен был необходимо вести к страшному перевороту, болезненному перелому в жизни народной, в существовании народа, ибо здесь было сближение с народами цивилизованными, у которых надобно было учиться, которым надобно было подражать.

Вопрос о том, могло ли сближение с европейскими народами и восприятие их цивилизации совершиться в России спокойно, постепенно, без увлечений, решается легко при внимательном наблюдении общих законов исторических явлений. Когда мы говорим о просвещении, о цивилизации, то разумеем громадную силу, которая бесконечно поднимает народ, ею обладающий, над народом, у которого ее нет: как же теперь с понятием о слабости соединить, понятие силы? Как предположить, что широта и ясность взгляда, сдержанность, самостоятельность, плоды цивилизации давней и крепкой, должны быть достоянием народа нецивилизованного? С другой стороны, в жизни народов мы замечаем известные периоды, в которые они проводят известное начало, живут им, подчиняются ему вполне: наступает другое время, на очереди становится новое начало, и народ предается ему; новое начало начинает господствовать на счет старого. обнаруживается обыкновенно сильная вражда к последнему, отрицание того, что было при его господстве, дурные отзывы о времени этого господства: народы в этом отношении не любят, не могут работать двум господам: если одного возлюбят, другого непременно возненавидят. Здесь возможна только злая борьба между двумя началами, старым и новым, борьба, необходимо раздражающая, ведущая к увлечению, к крайностям. Можно ли себе представить, чтоб молодой, исполненный жизненных сил народ, сблизившись с другими, превосходящими его народами, понявши чрез сравнение недостатки своего быта, не бросился вдруг на все то, что казалось ему лучшим у других? Да и можно ли было медлить, когда несостоятельность во всем, несостоятельность материальная и нравственная, была так явна? Когда нельзя было начать ни одного дела, не начавши вместе с тем и многих других, этому делу способствующих, для него необходимых? Западные европейские народы в описываемое время относительно цивилизации своей стояли высоко над русским, который должен был идти к ним в ученье; но для этих самых западных народов не прошло еще тогда время рабства чуждому, нерадения о своем, презрения к нему; ослепленные блеском античной цивилизации, с неодолимою силою потянулись они к ней, доходя иногда вначале до диких увлечений, отдались в науку грекам, римлянам, даже италиянцам, прежде других познакомившимся с греками и римлянами; свое было в опале, к своему относились как к варварскому, значения, величия своей истории в сравнении с историею греков и римлян не понимали. Очередь поработать чуждому началу дошла и до русского народа, дошла по известным условиям позднее, чем до других, и в этом огромная невыгода, но причины этой невыгоды лежали в условиях хода всей предшествовавшей истории, в условиях, при которых явился наш народ, основалось наше государство. Долговременное пребывание в удалении от Западной Европы и ее цивилизации, крайность, исключительность одного направления необходимо условливали крайность противоположного направления, необходимость удовлетворить вдруг всему должна была неминуемо сообщить нашему так называемому преобразованию характер революционный. Наша революция начала XVIII

века уяснится чрез сравнение ее с политической революцией, последовавшею во Франции в конце этого века. Как здесь, так и там болезни накопились вследствие застоя, односторонности, исключительности одного известного направления; новые начала не были переработаны народом на практической почве; необходимость их чувствовалась всеми, но переработались они теоретически в головах передовых людей, и вдруг приступлено было к преобразованиям; разумеется, следствием было страшное потрясение: во Франции слабое правительство не устояло, и произошли известные печальные явления, которые до сих пор отзываются в стране; в России один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства. Французские историки считают себя вправе плакаться на такой ход дела у себя и с завистью посматривают на соседний остров, где фундамент здания складывался издавна, постепенно и прочно; но пусть же они плачутся на весь предшествовавший ход французской истории, которого революция была необходимым следствием; что не было сделано исподволь, постепенно, и потому легко и спокойно, то приходится делать потом вдруг, с болезненными напряжениями, которые мы называем революциями. И мы имеем право плакаться на нашу революцию, но опять с обязанностию плакаться также на всю предшествовавшую историю, которая привела к той революции, ибо условия здоровья не производят болезни.

Если таков общий закон, если наша революция в начале XVIII века была необходимым следствием всей предшествовавшей нашей истории, то из этого вполне уясняется значение главного деятеля в перевороте, Петра Великого: он является вождем в деле, а не создателем дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великий человек есть всегда и везде представитель своего народа, удовлетворяющий своею деятельностью известным потребностям народа в известное время. Формы деятельности великого человека обусловлены историею, бытом народа, среди которого он действует. Чингис-хан и Александр Македонский - оба завоеватели, но какая разница между ними! Эта разница происходит от различия народов, которых они были представителями. Деятельность великого человека есть всегда результат всей предшествовавшей истории народа; великий человек не насилует свой народ, не создает того, что непотребно и невозможно для народа. При настоящих успехах исторической науки великий человек теряет свое божественное значение, не является существом, разрушающим и создающим по своему произволу: но он получает великое значение как представитель народа в известное время, как произведение и поверка народной жизни, народной истории. Великий человек не утрачивает своего значения; народ не низводится до степени стада, бессознательно идущего туда, куда его гонит чуждая воля.

Но переворот сопровождался страшной борьбой, преобразователь встретил сильное сопротивление в народе, следовательно, дело преобразования было делом насилия со стороны верховной власти. Иностранцы не без некоторого, понятного, впрочем, удовольствия, повторяли и повторяют, что Петр насильно и преждевременно цивилизовал русских, что и не могло повести и даже никогда не поведет ни к какому толку. Вооружаются вообще против преобразований, идущих сверху. Мы не знаем будущего и потому не станем говорить о нем; не будем преждевременно говорить того, что должны будем сказать впоследствии, проследив судьбы дел Петровых по его смерти. Но для устранения бесплодных толков опять обратимся к сравнениям из прошедшего. В настоящее время ни один из европейских писателей, верующий ли он или неверующий, не станет отрицать цивилизующего значения христианства; каждый европеец гордится тем, что христианство пустило глубокие корни преимущественно в Европе, что доказывает высшее развитие, большую зрелость племен, населяющих эту часть света. Но пусть же припомнят историю принятия христианства европейскими народами, пусть припомнят, что обыкновенно дело шло сверху, принимали христианство князь и дружина его, ближние люди, и потом уже новая вера распространялась в массе, причем не обходилось без ожесточенной борьбы, без страшного сопротивления со стороны народа, отстаивавшего свою старину, веру отцовскую; да и после принятия крещения масса в продолжение веков оставалась двуверною, не могла забыть старых богов своих. Что же из этого следует? То, что европейские народы были обращены в христианство насильно своими правительствами! Еще пример ближайший: в Англии король Генрих VIII вздумал отложиться от римской церкви; но известно, какое сильное сопротивление встретил он своему делу, какие сильные восстания вельмож и народа должен был он побороть: значит, английский народ был насильственно отторгнут от папы и реформа, которою так гордятся англичане, была личным делом Генриха VIII. В Риме будут очень довольны таким мнением.

Петр был представителем, вождем своего народа в деле народном: отсюда обязанность историка при описании великого переворота не отрывать главного деятеля, вождя, от народа, от общества, с самого начала следить, как образовывалось его существо под влиянием условий, приготовленных историей народа, ибо явления, по-видимому, самые случайные, имевшие влияние на характер исторического деятеля, окрашиваются цветами, господствующими в обществе, и чрез это-то окрашивание общество и проводит свое влияние на исторического деятеля.

Мы видели, как вследствие известных условий русское общество к концу XVII века выработало мало своих сил, сдерживающих личную силу, которой было так много простору. Вот почему девственная страна представляла такое обширное поприще для богатырей всякого рода, для людей, которым, по выражению песни, было грузно от сил, которые стремились разминать свое плечо богатырское и, когда расходятся, не

знали удержу. Богатырский, геройский период прекращается в народе вместе с цивилизацией, с развитием общественных сил; цивилизованное, развитое общество сжимает личную силу, вгоняет ее в известные пределы, ограничивает специализированием занятий: отсюда понятно, что в обществе цивилизованном сильные люди являются не в таких богатырских размерах, как в обществах юных. Мы очень хорошо знаем, как упражнение развивает всякого рода силы, и потому нечего удивляться, что старинные сильные люди были сильнее наших, ибо имели более простору упражнять свои силы во всех направлениях. В России более, чем в каком-нибудь другом европейско-христианском государстве, общество, вследствие своей истории, предоставило простора для деятельности верховной власти, и потому неудивительно, что в России XVIII века мы встречаем двоих государей с неимоверною деятельностью - Петра I и Екатерину II. Общество юное, неразвитое не допускает разделения занятий: отсюда сильному человеку возможность и необходимость браться за все, упражнять свои силы в многоразличных родах занятий; отсюда многообразная деятельность Петра; вследствие тех же общественных условий увидим впоследствии на другом поприще многообразную деятельность Ломоносова.

Петр со своими сподвижниками заканчивает, собственно говоря, древний, богатырский отдел русской истории. Это последний и величайший из богатырей; только христианство и близость к нашему времени избавили нас (и то не совсем) от культа этому полубогу и от мифических представлений о подвигах этого Геркулеса.

Общество юное, кипящее неустроенными силами, произвело исполина, как юная земля в допотопное время производила громадные существа, скелеты которых приводят в изумление наш мелкий род. Но становится страшно: куда будут направлены эти силы при таком отсутствии умеряющих, образовательных начал? Какие нравственные пеленки приготовило общество для Петра, как оно воспитает, образует исполина?

Мы видели неудовлетворительность нравственного состояния древнего русского общества; но видели также, что движение, начавшееся в обществе во второй половине XVII века, и борьба, вследствие того происшедшая, могли только ухудшить нравственное состояние. Как ни печально бывает нравственное состояние в известном обществе, но если последнее живет, не рушится, значит, существуют известные нравственные сдержки и связи, которые не дают ему окончательно распасться. Но если это общество двинется, взволнуется в сильном перевороте, то старые связи необходимо ослабевают, иногда совершенно рушатся, и общество подвергается сильному нравственному колебанию, шаткости, смуте, пока нравственные связи снова окрепнут или заменятся новыми. Поэтому справедливо говорят, что переходное время есть самое печальное для общественной нравственности. Прежде, до второй половины XVII века, был неоспоримым авторитет отцов духовных; теперь, с одной стороны,

раскольники, с другой - новые учителя, православные и неправославные, подкапывают этот авторитет; архиереи, священники оказываются несостоятельными как учителя; молодое поколение и вождь его воспитываются в убеждении, что этих учителей нечего слушать, говорят они бог знает что, потому что невежды, учителей этих прежде всего надобно учить.

Древнее русское общество находило нравственные сдержки в родовом быте; член рода чтит своего старшего, находился под его надзором и властью, которая, как знаем, была очень обширна и при случае давала себя тяжело чувствовать послушнику; член рода уважал мнение рода, боялся своим поведением нанести бесчестие ему. Теперь и родовая связь ослабела, а других сдержек на ее место общество еще не выработало.

Древнее русское общество употребляло известные материальные сдержки в помощь нравственным: так, люди знатные и достаточные держали своих жен и дочерей взаперти, в теремах. Теперь это затворничество начало прекращаться. Но как никакая тюрьма не воспитывает, не приготавливает для свободы, не развивает и не укрепляет сил, так и терем не воспитал русской женщины для ее нового положения, не укрепил ее нравственных сил, а с другой стороны, общество не приготовилось еще к ее принятию, не могло представить ей чисто нравственных сдержек, как не представляло их и для мужчины. Пример исторической женщины, освободившейся из терема, но не вынесшей из него нравственных сдержек и не нашедшей их в обществе, представляет богатырь-царевна Софья Алексеевна.

Как же воспитывался богатырь-царевич Петр в расшатавшемся обществе?

Трех лет остался Петр по смерти отца и с восшествием на престол старшего брата подвергся удалению, гонению вместе с матерью и ее родственниками. Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствует правильности развития, не ускоряет его в ребенке; напротив, печальная доля в младенчестве, гонения, бури способствуют раннему развитию в детях способных. Перед глазами постоянно печальная мать, толкующая с ближними людьми о своей невзгоде, ссылке братьев, благодетеля Матвеева: ребенок пламенный, восприимчивый, питается, раздражается семейною враждою; то, что другие дети узнают только из нянькиных сказок, как злые родственники гонят невинных детей, как последние или гибнут, или торжествуют, то маленький Петр испытывает в действительности, он уже герой драмы, действующее лицо, он ненавидит гонителей настоящею, действительною ненавистию, и сочувствие его к героям посильнее, чем у других детей к их сказочным героям, ибо эти герои он сам, его мать, дядья. Царевича начали учить грамоте, призвали по обычаю дьяка, умевшего хорошо читать и писать. Дьяк был Никита Моисеев сын Зотов, знаменитый впоследствии пресбургский патриарх.

Петру оканчивался десятый год, когда умер царь Феодор. Петра выбирают в цари; но этот выбор ведет к стрелецкому бунту. До сих пор удаление, гонение раздражали ребенка; теперь страшные, кровавые сцены перед глазами, мучительная смерть родных, отчаяние матери, власть похищается, переходит в руки прежних гонителей. После приближенные к Петру люди рассказывали иностранцам, что во время стрелецкого бунта маленький Петр сохранил удивительное спокойствие, нисколько не изменился в лице, и указывали на это как на признак будущего величия. Но как бы ни держал себя Петр во время стрелецкого бунта, кровавые сцены не могли остаться без влияния, и чувства, возбужденные ими, должны были действовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время.

Опять удаление и гонение, опять перед глазами вечно печальная мать и вечные жалобы, вечные толки о том, что власть похищена и делается бог знает что в государстве. Грустно и скучно! Страшно скучно для ребенка, которому уже "начинает быть грузно от силушки, как от тяжелого бремени". Ученье кончилось с уходом Зотова; у старших братьев Петра после дьяка, выучившего грамоте, был другой учитель, Симеон Полоцкий; Петру не дали такого учителя. Что же делать огненному мальчику, который, когда и вырос, не умел ходить, а только бегать? Оставалось одно занятие - "ходить по улице широкой, с ребятами тешиться", как говорила старинная песня. И Петр выбегает из дворца на улицу, чтоб больше уже не возвращаться во дворец с тем значением, с каким сидели там его предки. В потехах с ребятами на улице, в воинских играх новый Ромул кличет клич по новую дружину, и дружина собирается, удалые потешные конюхи, будущие образцовые полки. Молодой богатырь расправляет свои силы. В то время, когда Россия повернула на новый путь, как нарочно грусть и скука выгоняют молодого царя из дворца на улицу, в новую сферу, где он окружен новыми людьми, где он вождь новой дружины, разорвавшей с прежним бытом, с прежними отношениями. Без оглядки бежит он из скучного дворца, чистым и свежим, новым человеком и потому способным окружить себя новыми людьми; он убежал от царедворцев и ищет товарищей, берет всякого, кто покажется ему годным для его дела. Образуется новое общество, новое государство и, как обыкновенно бывало при этом, является дружина со своим вождем, которая и движется, разрушая старое, созидая новое; царь по происхождению (*rex ex nobilitate*) становится вождем дружины по личной доблести (*dux ex virtute*) удерживает за собою преимущественно этот характер. В нем не было ничего, что старинные русские люди привыкли соединять со значением царя; это герой в античном смысле; это в новое время единственная исполинская фигура, каких мы видим много в туманной дали, при основании и устройстве человеческих обществ. Следя за деятельностью Петра, мы не должны ни на минуту забывать, что имеем дело не с государем только, а с начальником нового общества, с вождем дружины, основывающей новое государство, с человеком, проникнутым исключительно одною мыслию, служащим одному началу. Новые отношения не могли не высказаться в новых формах: отсюда перемена в

обращении у Петра со своими, простой, совершенно товарищеский тон его переписки с новыми людьми, на каких бы ступенях они ни находились, какого бы происхождения ни были, лишь бы только принадлежали к новому обществу, были товарищами царя в деле преобразования. Современное общество хорошо понимало эти отношения: когда русские люди разделились и пошла борьба, те, которые стали за старину, обратили свою вражду на эту дружину, на этих новых людей, окружавших Петра.

Таково значение имело то обстоятельство, что молодой царь выгнан был грустию и скукою из дворца и выбежал на улицу, где в потехах, столько соответствовавших его натуре, он расправил свои силы и получил те дружинные привычки, которые так соответствовали его деятельности, его историческому значению. Но дружинная жизнь, если, с одной стороны; предполагает сильную деятельность, подвиги, то, с другой, предполагает веселую, разгульную жизнь, опять соответствующую природе людей, способных к дружинной жизни. Так жилось в старой Руси, где князь прежде всего был вождем дружины; поработать и потом сесть пить с дружиною - таков был день старого русского князя, который не мог принять магометанства, потому что "Руси есть веселие пити". Следовательно, нечему удивляться, если и новая дружина петровская не разнилась в этом отношении от старых дружин. Но здесь мы должны припомнить еще и другие условия, которые нам объяснят дело во всех подробностях. Припомним, что для Петровых деда, отца и брата, кроме их природы, недоступный, окруженный священным величием и страхом дворец служил тем же, чем терем для древней русской женщины, - охранял нравственную чистоту, хотя мы знаем, что более живой по природе царь Алексей Михайлович любил иногда попить, напоить бояр и духовника. Младший сын его, с пылкою, страстною природою, выбежал из дворца на улицу, а мы видели, как грязна была русская улица в конце XVII века; справимся с известиями о господствовавших пороках тогдашнего общества, и нам объяснятся привычки Петра, которые так нам в нем не нравятся.

Но неужели молодой Петр был совершенно предоставлен самому себе? Неужели при нем не было ни одного человека, могшего силою своего характера и значения удержать его от крайностей, к которым влекла страстная, огненная природа? Самым влиятельным человеком в этом отношении мог быть кравчий князь Борис Алексеевич Голицын, двоюродный брат знаменитого князя Василья. Князь Борис, человек умный, энергический, распорядительный, образованный не менее князя Василья, знавший латинский язык и любивший говорить на нем, честно исполнил свои обязанности к Петру в том отношении, что оставался непоколебимо ему верен, берег его интересы, оказал важные услуги в борьбе с Софьею и после со стрельцами, с достоинством относился к своему воспитаннику, когда тот уже начал свою славную деятельность; вот, например, как он отвечал ему на письмо, извещавшее о победе: "Милостивое письмо твое истинное и победительное принял с великим

благодарением, за что не помалу воздам хвалу богу. *Ласкать и манить не буду*, только прошу у бога всегда такое одолжение и славу чтоб всегда одержать". Но этого самого князя Бориса иностранцы и русские не иначе называют, как пьяницею. Один из иностранцев рассказывает, что князь Борис и молодой Андрей Артамонович Матвеев набились к нему на обед и привели с собою своих друзей, датского комиссара и несколько иностранных купцов; они остались так довольны кушаньями, что несколько блюд отослали к своим женам и без церемонии унесли с собою конфеты. Эти известия очень важны для нас, потому что лучше всего изображают тогдашнее общество: вот передовые люди, одни из первых повернувшие на новую дорогу, сознавшие необходимость образования и преобразования; но как они еще недалеко ушли! Двуверы, двуглавые Янусы: одна голова обращена вперед, другая назад, говорят по-латыни и пьянствуют, уносят с собою конфеты с чужого обеда! Вот еще любопытный рассказ о том же князе Борисе. Знаток латинского языка позвал к себе иностранцев и изумил их своим грубым обращением с музыкантами-поляками, привел в ужас выходкою против несчастного учителя детей своих, также поляка. Князь Борис не любил, как видно, сдерживаться; он был также очень откровенен и в письмах своих к Петру: он начинает их обыкновенно латинскими фразами, но одно оканчивает так: "Бориско, хотя быть пьян".

С князем Борисом Голицыным соединяется в рассказах иностранцев молодой человек, также очень близкий к Петру, Андрей Матвеев, сын знаменитого Артамона. О двадцатидвухлетнем Матвееве говорят, что он был очень умен, хорошо говорил по-латыни, любил читать и с жадностью слушал повести обо всем, что происходило в Европе, имел особенное расположение к иностранцам; жена его была единственная русская женщина, которая не румянилась.

Люди, самые приближенные к Петру, так тянут к Западу, такие охотники до иностранцев; Петр, сгоравший неудовлетворяемою жаждою знания и деятельности, не мог долго оставаться в удалении от людей, которые могли его кой-чему научить, могли о многом порассказать.

Однажды императрица Елисавета Петровна, вшедши в комнату племянника своего Петра Федоровича, который занимался черчением, поцеловала его и сказала со слезами: "Не могу на словах рассказать того удовольствия, какое я чувствую, когда вижу, что ты хорошо употребляешь свое время, и вспоминаю, как батюшка, застав однажды меня с сестрою за уроками, сказал со вздохом: "Ах, если б я в моей молодости был выучен, как должно!"

Петра не учили, как должно, по его собственному признанию, но он многое знал; как же он приобрел эти знания? Пусть расскажет сам.

Князь Яков Долгорукий перед отъездом своим во Францию в посольстве разговорился с четырнадцатилетним Петром и между прочим сказал, что у него был важный инструмент, да, жаль, украли: можно было этим инструментом брать дистанции, не доходя до того места. Искра упала в порох: "Купи мне инструмент во Франции". Долгорукий купил, привез, астролябия в руках Петра, но что он с нею станет делать: не умеет, как взяться, а у кого спросить? К дохтуру немцу, не знает ли? Дохтур сам не знает, но говорит, что сыщет знающего, голландца Франца Тиммермана. Учитель нашелся, а ученик "гораздо пристал с охотою учиться геометрии и фортификации".

"И тако, - говорит Петр, - сей Франц чрез сей случай стал при дворе быть беспрестанно в компаниях с нами".

Нашелся знающий человек, и дело не ограничивается учением в четырех стенах; ученик не умеет ходить, а только бегаёт. Огненный мальчик таскает Тиммермана всюду, и при виде всякого нового предмета расспросы: что это? зачем? Предметов новых мало, и беспокойный мальчик всюду пробирается, заглядывает, нет ли где чего, все ему надобно, все отоприм и покажи. В Измайлове забрался в амбары, где лежали старые негодные вещи двоюродного дяди царского, Никиты Ивановича Романова, и вдруг судно особого рода, иностранное! Запрос Тиммерману: что это за судно? - Бот английский. - Где его употребляют? - При кораблях для езды и возки. - Чем лучше наших? - Ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветру. - Против ветру быть не может! надобно посмотреть: есть ли такой человек, который бы починил бот и ход его мне показал? - Есть. Сейчас отыскали голландца Карштен-Бранта, который при царе Алексее вызван был для постройки кораблей в Дединове. Брант починил бот, сделал мачту и паруса и начал лавировать на Язуе. "Это мне паче удивительно и зело любо стало, - говорит Петр. - Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил его: для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевез его на Просяной пруд (в Измайлове), но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу быть более".

Рассказывая, как возбуждена была в нем эта охота, Петр рассуждает: "Монархию Русскую дед наш очистил и успокоил отомщение ж (врагам) и распространение сыну своему оставил, который какое тщание к тому прилагал, а особливо в воинских делах, о том всем есть известно, и не точию на земле, но и на море покушался (которое дело так у нас странно было, что едва слышали о нем), как то из осады города Риги и из строения двух кораблей в Дединове на Каспийское море видеть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на нас сие бремя воля вышнего правителя возложить изволила, то оставляем непостижимым судьбам его".

Что было тайною для Петра, то уже не тайна для потомства Прежде него была сознана необходимость моря и флота для России: царь Алексей

Михайлович строил корабли в Дединове мало того, предлагал герцогу курляндскому, нельзя ли строить русские корабли в его гаванях? Но мы видели, как строили корабли в Дединове, с какою медленностию, с какими остановками одни приказывали, другие исполняли, не умея и нехотя, и дело не пошло. Чтобы оно пошло, нельзя было сидеть в Кремлевском дворце и слать указы; надобно было, чтоб в царе разгорелась страсть к морскому делу, чтоб он сам взялся за топор и начал строить корабли, чтоб ему печальные болотистые места при устьях Невы казались земным раем, *парадизом*, потому только, что они были близки к морю, что на них можно было строить корабли. Необходимость преобразований, новых учреждений была признана до Петра; но привести в исполнение то, на что прежде только покушались, мог один Петр.

"Охота стала от часу более". Начал проведывать, где больше воды. Отвечали, что ближе нет большего озера, как Переяславское, - в 120 верстах. Но как туда пробраться? Сказать прямо матери, что идет на большое озеро плавать и суда строить, - не отпустит, надобно уехать обманом. Сказал, что дал обещание съездить к Троице на богомолье, а от Троицы пробрался в Переяславль. Вид обширного красивого озера, где бот уже не будет стукаться о берега, разумеется, еще более разманил Петра: он стал просить у матери завести новую потеху на озере, царица согласилась, и Брант с мастером Кортотом отправились в Переяславль строить корабли.

Молодой богатырь рвался из дому от матери - поразмять своего плеча богатырского, спробовать силы-удали молодецкой, только не в чисто поле, а на широкое озеро; мать употребила сильное средство, чтоб привязать его к дому: Петру не минуло еще 17 лет, как его женили 27 января 1689 года на дочери окольного Лопухина, Евдокии; отец царской невесты по обычаю переименовал старое имя Илариона на новое Федора.

Русская пословица "женится - переменится" не исполнилась на Петре: он по-прежнему рвался из дому от матери и от молодой жены. В апреле 1689 года он уже был на Переяславском озере, откуда писал матери: "Вселюбезнейшей и паче живота телесного дражайшей моей матушке, государыне царице и великой княгине Наталии Кирилловне. Сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка, благословения прошу и о твоём здравии слышать желаю; а у нас молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды все, кроме большого корабля, в отделке; только за канатами станет: и о том милости прошу, чтобы те канаты, по семисот сажен, из Пушкарского приказа, не мешкав, присланы были. А за ними дело станет, и житье наше продолжится. По сем паки благословения прошу". Любопытно видеть, как Петр хитрит: чтоб получить поскорее канаты, он страшит мать, что иначе не скоро возвратится: "А за ними дело станет, и житье наше продолжится".

Занятия с Тиммерманом, потехи на суше и на воде, обучение солдатских полков, сформированных из старых потешных и новых охочих людей,

явившихся отовсюду, из знати и из простых, преимущественно из придворных конюхов, строение крепости, которая носила уже иностранное название Пресбурга (на берегу Яузы), строение судов на Переяславском озере заняли все внимание Петра: ему был недосуг ни до чего. Мать зовет его из Переяславля в Москву на панихиды по брате Феодоре - он отвечает: "Быть готов, только, гей, гей, дело есть"; голова занята одним, об одном твердил он матери: "О судах паки подтверждаю, что зело хороши все". Но не кораблики были на уме у царицы Натальи; глухая борьба не переставала между нею и падчерицею, которая отняла у нее правительство. Положение похитительницы было незавидное: по инстинкту самосохранения взялась она за отчаянное средство, подняла стрельцов, вырвала правление из рук мачехи, подставила старшего неспособного брата в цари; но надолго ли все это? Сын Нарышкиной остался царем, возмужает - и правительница будет более не нужна, монастырь удален на время, но постоянно в виду. Положение Софьи было похоже на положение тех людей в легендах, которые заключили договор со злым духом - пользоваться до известного времени всевозможными наслаждениями жизни, но по прошествии срока сделаться добычею ада. Понятно, что Софья должна была думать о средствах, как бы упрочить свою власть; понятно, что об этом хлопотали люди, взысканные ею и которые лишались всего с ее падением. Софья - правительница благодаря неспособности одного брата и молодости другого; возмужает последний - и правительство Софьи должно окончиться; надобно сделать, чтоб оно не кончилось. Первый шаг уже сделан, учреждено двоевластие, оба брата венчаны на царство: отчего не быть троєвластию? отчего Софье не венчаться на царство? Тогда помазанницу божию никто не свергнет. Софья в государственных бумагах присоединила свое имя к именам обоих братьев, вместе с ними называлась *самодержицею* всяя Руси. Дьяк Волков, отправленный посланником в Венецию, объявил там, что с великими государями *соцарствует* сестра их, великая государыня Софья Алексеевна. Один из сенаторов заметил: "Дож и весь сенат удивляются, как служат их царскому величеству подданные их, таким превысоким и славным трем персонам государским?" Волков отвечал, что подданные всех трех персон вместе повеление исполняют. Но все эти провозглашения не крепки, все это не помазание. А между тем страшный срок приближался: Петр выросал, и вместе с ним росли надежды мачехи, и смелее, резче становились ее слова; когда Софья присоединила свое имя к именам братним, царица прямо сказала царевнам Михайловнам и Алексеевнам: "Для чего она стала писаться с великими государями вместе? У нас люди есть и того дела не покинут". Две постельницы царицы Натальи передавали Софье все, что говорилось про нее нехорошего, враждебного у мачехи, передавали, что сильнее всех бранят ее брат царицы Лев Кириллович Нарышкин и князь Борис Алексеевич Голицын.

Лев Нарышкин и князь Борис Голицын были самые приближенные люди к царице Наталье: князь Василий Голицын и Шакловитый были самые приближенные люди к царевне Софье. Князь Василий был сам неспособен

на преступные, кровавые меры; но мы видели, в какое затруднительное положение поставил он себя отношениями к Софье. В этом положении ему приходили в голову страшные мысли, что хорошо было бы, если бы что-нибудь случилось, только от других, а не от него, и проговорился он однажды: "Жаль, что в стрелецкий бунт не уходили царицу Наталью вместе с братьями: теперь бы ничего и не было". Другая была природа Шакловитого: он не дрожал ни перед какими средствами, не довольствовался бесплодными сожалениями о прошедшем: всем обязанный Софье, он погибал с ее падением; худородного подьячего, произведенного милостию царевны в окольниковые, не спасет знатный род, знатные родственники; обязанность быть верным благодетельнице красила расчеты себялюбия. Софья или Наталья? Шакловитый со страшною наивностию высказывал свой выбор: "Чем тебе, государыня, не быть, лучше царицу извести".

Понятно, что Шакловитый спешил наложить свою руку на кого мог из людей, высказывавших свою приверженность к Петру; пытал и выслал из Москвы стольника Языкова, который говорил, что царь Петр Алексеевич - царь только по имени, а бить челом ему никто не смеет. Но поймать и сослать того или другого не осторожного на слова ничего не значило. "У нас люди есть", - говорила царица Наталья, и действительно у царя Петра были люди, которые при случае не ограничатся одними словами; у царя Петра есть свое войско, это ненавистные *потешные конюхи, озорники*, как величала их Софья со своими приверженцами. От них одно спасение в стрельцах; надобно опять к ним обратиться, как в 682 году. Но не притупилось ли это оружие с 682 года и не сама ли Софья с Шакловитым способствовали этому притуплению, вырвавши его из рук Хованского? Самые дерзкие из стрельцов были удалены из Москвы по предложению Шакловитого, осталось большинство людей спокойных, довольных своим положением, которых трудно поднять. Да и чем поднять, на какое дело? В августе 1687 года Шакловитый вдруг предлагает начальным людям стрелецким написать челобитную, чтоб Софья венчалась царским венцом. "Мы челобитной писать не умеем", - отвечали стрельцы. "Челобитная будет написана", - уверяет Шакловитый. Челобитная будет написана, но кому ее подать? Царям? О старшем никто не думал, все дело было в младшем. "Послушает ли нас царь Петр Алексеевич?" - спрашивают стрельцы. "Если не послушает, ступайте в Верх, задержите боярина Льва Кирилловича и кравчего Бориса Алексеевича: тогда примет челобитье". "А патриарх и бояре?" - опять спрашивают стрельцы. "Патриарха можно переменить, а бояре - отпадшее, зяблое дерево; разве постоит до поры до времени один князь Василий Васильевич Голицын".

Так вот в чем дело! Чтоб исполнить желание царевны и Шакловитого, надобно пойти в Верх бунтом, задержать двоих самых близких к царю людей, сменить патриарха! Прежде стрельцы были постепенно приготовляемы к бунту раздражением и разнуздыванием, да и тут масса была поднята известием, что Нарышкины задушили царевича; а теперь

велят бунтовать, чтоб достигнуть небывалого, странного дела, и это после того, как употреблены были все средства, чтоб охладить стрельцов к бунту, заставить их бояться его.

Начальным людям дали по пяти рублей с наказом, чтоб поговорили с товарищами в полках. Но в полках предложение было принято также холодно, и Софья поспешила сама отказаться от него.

Надобно было по крайней мере разогреть преданность стрельцов, упрочить себе их защиту на всякий случай, выставить им опасность, которой подвергается Софья. Правительница призвала к себе ночью несколько стрельцов и начала им натолковывать, что царица Наталья с братьями и Борисом Голицыным поднимает бунт, и патриарх против нее, Софьи, чем бы мирить, только мутит. Шакловитый, как будто обращаясь с советом к царевне, давал знать стрельцам, какие средства должно употребить, чтоб успокоить Софью: "Отчего бы князя Бориса и Льва Нарышкина *не принять*? Да и царицу можно бы принять. Известно тебе, государыня, каков ее род и как в Смоленске в лаптях ходила". Софья отвечала на это: "Жаль мне их, и без того их бог убил". Стрельцы отвечали очень неопределенными словами: "Воля твоя, государыня, что изволишь, то и делай".

Неопределенными словами отвечали стрельцы на неопределенные требования, неопределенные жалобы. Какой бунт поднимает царица? Понятно, что Шакловитый мог найти из стрельцов только пять человек, готовых на все; эти пятеро были: Петров, Стрижов, Кондратьев, Чермный и Гладкий, которых интересы были тесно связаны с интересами Софьи. Шакловитый говорил Чермному: "Хотят нас перевести, а мутит всем царица; меня хотят высадить из приказа, а вас, которые ко мне в дом вхожи, разослать всех по городам". И вот Чермный, чтоб избыть беды, начинает толковать товарищам: "Как быть? Хотя и всех побить, а корня не выведешь; надобно уходить старую царицу, *медведицу*". Ему возражали, что за мать вступится царь Петр; Чермный не останавливался: "Чего и ему спускать? за чем стало?" Гладкий толковал: "У царя Ивана Алексеевича двери завалили дровами и поленьем и царский венец изломали, а кому ломать только с ту сторону".

Стрельцы оставались холодны к этим рассказам: поленьем закидали, венец изломали! Прежде было сказано, что и совсем задушили, а что вышло? Придумали средство посильнее: ночью в двух местах подъезжала к стрелецким караулам вооруженная толпа, схватывала десятника, и начальник толпы приказывал его бить до смерти, несчастного начинали колотить, но слышался голос из толпы: "Лев Кириллович! За что его бить до смерти? Душа христианская!" После было узно, что мнимый Нарышкин был подьячий приказа Большой казны Шошин, доверенный человек правительницы.

И это средство не раздражало. Не поддавались и на обещания грабежа, когда Гладкий прельщал, что станут стрельцы грабить дома бояр и торговых людей и делить богатую добычу. Гладкий, свой человек у Шакловитого, следовательно, и у Медведева, затрагивал и интерес религиозный, обвинял патриарха в новом учении, по которому не велят кланяться, когда поют аминь (после "приимите, ядите"); стрельцы холодно слушали о винах патриарха: они помнили 5 июля 1682 года. Не трогались и словами Гладкого, когда он выставлял противоположность поведения Софьи и Петра: "Наша государыня все богу молится, а там только на органах и на скрипичах играют".

Стрельцы не трогались, а между тем в 1689 году стали обнаруживаться выходки Петра против Софьи; в них не было ничего очень важного, систематического: Петр был еще молод и занят кораблями; несмотря на то, Софья не могла не раздражиться и не обеспокоиться, увидав начало дела, в конце которого являлся монастырь. 8 июля, в Казанскую, Петр в соборе сказал сестре, чтоб она не ходила в крестный ход; Софья не послушалась, взяла образ и пошла; Петр рассердился, не пошел за крестами и уехал из Москвы. С его стороны все и кончилось этою вспышкой. Но положение Софьи было таково, что она сочла необходимым приготовиться к защите от потешных конюхов, которые придут вырывать власть из рук ее. 25 июля, когда Петра ждали в Москву по случаю именин старшей царевны Анны Михайловны, 50 стрельцов было тайно поставлено у Красного крыльца с наказом слушать набата, которым дается знать, что над государынею "хитрость чинится".

Хитрости не учинилось никакой, но со стороны Петра новая выходка, сильно раздражившая Софью, ибо дело шло о славе ее правления и о князе Василье Васильевиче. Петр не соглашался на назначение наград Голицыну и товарищам его за второй крымский поход, потом позволил уговорить себя согласиться, но сорвал сердце, не допустивши к себе Голицына и других воевод и генералов с благодарностью за награды. Это было 27 июля. В тот же день вечером Софья пошла ко всеобщей к празднику в Новодевичий монастырь в сопровождении пятисотных и пятидесятников и после службы стала жаловаться им на царицу Наталью, что опять начинает беду. "Если мы вам годны, - говорила Софья, - то стойте за нас, а если негодны, то мы оставим государство". Стрельцы отвечали, что готовы исполнить ее волю; Софья велела им ждать повестки. Но большинство стрельцов не хотело начинать дела по набату; если действительно грозит беда кому-нибудь из членов царского дома, то пусть идет дело законным порядком: пусть думный дьяк скажет царский указ, того они и возьмут, а без указа ничего делать не станут, сколько бы ни били в набат; надобно бить челом о розыске. Понапрасну приверженцы Шакловитого старались противодействовать такому расположению большинства, понапрасну толковал Стрижов, что из розыска ничего не выйдет, злодеи царевны известны: принять их! а без царевны стрельцам будет плохо. Петр присылает за Стрижовым, Шакловитый не дает его; Петр велит арестовать

самого Шакловитого в Измайлове - но скоро выпускает. С этой стороны действуют робко, нерешительно, но все же действуют, и этого довольно для другой стороны, чтоб сильно беспокоиться и волноваться.

7 августа на Верху толковали, что нашли подметное письмо: ночью придут потешные конюхи из Преображенского, чтоб побить царя Ивана Алексеевича и всех его сестер. Вечером Шакловитый распоряжается, велит собрать в Кремль 400 человек стрельцов с заряженными ружьями, 300 других собрать на Лубянке, троих денщиков своих посылает к Преображенскому смотреть, куда пойдет царь Петр. Но распоряжения плохо исполняются: денщики не идут к Преображенскому на указные места, на Лубянке нет сбора; сильно волнуются в Кремле Гладкий и Чермный, но их задор не сообщается другим; никто не знает, зачем их собрали: защищать или нападать; в том и другом случае будет усобица, в которой они не хотят участвовать. В это время всеобщего тяжелого, тревожного ожидания приезжает в Кремль из Преображенского спальник царя Петра Плещеев. Гладкий, который давно уже ждет случая начать дело, бросается на Плещеева, стаскивает его с лошади; срывает саблю, бьет и ведет его в Верх к Шакловитому. Гладкий действительно начинает дело.

Если масса стрельцов была недоступна внушениям Шакловитого с товарищами, не хотела начинать бунта в пользу Софьи, то не двигалась также и в противоположном направлении; из этой массы выделились, как мы видели, не более пяти человек, которые готовы были, как 15 мая 1682 года, принять на копья кого угодно в пользу Софьи; но в противоположность им образовался небольшой кружок из восьми человек, которые в действиях Шакловитого, Чермного и Гладкого видели преступление и безумие и решились прямо действовать наперекор им, в пользу царя Петра, имеющего все права на своей стороне. Эти восемь человек были стремянные: пятисотный Елизарьев, пятидесятники Мельнов, Ульфов, десятники Ладогин, Феоктистов, Турка, Троицкий и Капранов. В ночь с 7 на 8 августа, когда масса остается неподвижною, действия, разумеется, должно ожидать в этих обоих крайних кружках, ибо здесь самые решительные люди, определившие свои цели, люди не колеблющиеся, не шатающиеся. Елизарьев с товарищами стояли на Лубянке в ночь на 8 число; один из них, Мельнов, был послан ими в Кремль для наблюдения и, возвратясь, объявил о поступке Гладкого с Плещеевым. В этом поступке они увидели начало дела и решились действовать со своей стороны: Мельнов и Ладогин посланы были в Преображенское уведомить царя, что на него и на его мать умышляется смертное убийство.

Но не одни Мельнов и Ладогин спешили в Преображенское со своим изветом. Вечером вельможи узнали, что в Кремль пускают только самых известных и доверенных лиц у правительницы. Это так встревожило людей, державших сторону Петра, что они отправились немедленно в Преображенское. Немного за полночь, когда Петр спал уже крепким сном,

его будят и говорят: приехали из Москвы стрельцы и другие люди с известием, что множество стрельцов собрано в Кремле, хотят придти в Преображенское бунтом. Испуганный царь вскочил с постели как был и прямо на конюшню, сел на лошадь и в ближний лес, куда уже ему принесли платье. Одевшись, поскакал с постельничим Гаврилою Головкиным, карлою и одним из изветчиков-стрельцов к Троице, куда приехал около 6 часов утра в сильной усталости, и только что успел войти в комнату, как бросился на постель и, заливаясь слезами, рассказал о своей беде прибежавшему архимандриту Викентию и просил у него защиты. Осьмого же числа приехали к Троице царица Наталья Кирилловна с дочерью и невесткою, преданная Петру знать, потешные и стрельцы Сухарева полка. Главным распорядителем здесь явился князь Борис Голицын.

Москва пришла в ужас, когда 8 числа распространилась весть об отъезде царя из Преображенского. Усобица начиналась; чем-то кончится? На Верху старались показывать вид, что не обращают на это происшествие большого внимания. Шакловитый, узнавши об нем, сказал: "Вольно ему, взбесясь, бегать". Софья объявила стрельцам, что если б они не остереглись, то всех бы их передавили потешные конюхи. Но другое было объявлено царю Петру, когда 9 числа он прислал к царю Ивану и Софье спросить, зачем были собраны стрельцы в такое необычное время. Ему отвечали, что стрельцы должны были провожать царевну в монастырь на богомолье. Вслед за тем другая присылка от Петра - отпустить к нему полковника Цыклера с 50 стрельцами. После узнали, что это была хитрость Цыклера. Как мы видели, он был ревностным приверженцем Софьи и участником в стрелецком бунте. Теперь он увидел, что, по всем вероятностям, возьмет верх Петр, и дал знать к Троице, чтоб его вызвали туда и он откроет много нужных вещей. Цыклера отпустили после долгих совещаний и отговорок. За Цыклером отправились также с извещениями к Троице Елизарьев, Феоктистов, Ульфов, Турка, Капранов, Троицкий.

Софье нельзя было долго оставаться в спокойном ожидании, что начнут у Троицы. Она не могла не понимать, как выгодно было положение Петра в борьбе; она сама прежде, в распри с Хованским, указала эту дорогу к Троице как самую удобную. 13 числа отправлен был к Петру боярин князь Иван Борисович Троекуров; 15-го он возвратился и привез не очень любезный ответ, а на другой день явилась в Москве грамота от царя Петра в солдатские и стрелецкие полки, чтоб начальные люди и по 10 человек рядовых из каждого полка были у Троицы к 18 числу. Софья, посоветовавшись с ближними людьми, велела позвать к себе начальных людей из каждого полка, держала к ним сильную речь и на строго запретила, чтоб не смели ходить к Троице и вмешиваться в распрю ее с братом, и когда стрелецкие полковники обнаружили свое недоумение, то Софья сказала им, что если кто-нибудь из них пойдет к Троице, то будет пойман и потеряет голову.

Надобно было спешить окончанием дела, и в тот же день дядька царя Ивана князь Петр Иванович Прозоровский вместе с духовником Петра были отправлены к Троице с извинением, что никак нельзя было исполнить требование царя и прислать к нему требуемое войско; в то же время Прозоровский и духовник должны были употребить все средства к примирению Петра с сестрой, и для успокоения стрельцов и солдат в Москве был распушен слух, что царская грамота была прислана без ведома Петра, умышленном князя Бориса Голицына. 18 числа возвратились Прозоровский и духовник ни с чем. Схватились за соло мину, решились послать патриарха, о котором Софья сама прежде говорила: "Посягает он на меня; чем бы ему уговаривать, а он сам посягает". Иоаким был рад вырваться из Москвы, из рук врагов своих, уехал к Троице и там остался: Петр приобрел важного союзника. Прошло несколько дней в ожиданиях; 27 августа новая царская грамота от Троицы в стрелецкие полки, в гостиную сотню, в дворцовые слободы и черные сотни, чтоб все полковники и начальные люди с 10 рядовыми из каждого полка, а из сотен и слобод старосты с 10 тяглецами явились немедленно к Троице, а кто не явится, тому быть в смертной казни. Толпы стрельцов, повинаясь указу, двинулись из Москвы. У Троицы сам царь вышел к ним перед дворец с матерью и патриархом и объявил об умысле Шакловитого. Дьяк прочел выписку из расспросных речей и стрелецких изветов, патриарх стал увещевать, чтоб пришедшие стрельцы объявили всю правду, что знают, грозя в случае несправедливого показания архиерейским неблагословением. Стрельцы завопили, что они Федькина злого умысла не знают, великим государям служат и работают, как служили и работали их предкам, рады ловить воров и изменников и во всем исполнять волю государскую. Но некоторые порассказали кой-что.

Софья решилась ехать сама к Троице. В том самом селе Воздвиженском, где семь лет тому назад она велела казнить Хованского, встретил ее стольник Бутурлин и от имени великого государя объявил, чтоб она в монастырь не ходила. "Непременно пойду", - отвечала Софья; но за Бутурлиным явился боярин князь Троекуров с объявлением, что если она пойдет, то с нею нечестно поступлено будет; отряд вооруженных людей уже показался в Воздвиженском.

Софья поспешно возвратилась, велела позвать к себе стрельцов, *старых*, на которых особенно полагалась, и стала им жаловаться, что чуть ее не застрелили в Воздвиженском, насилу ушла: что Нарышкины с Лопухиными хотят известить царя Ивана, добираются и до нее. "Можно ли на вас надеяться? - говорит Софья. - Надобны ли мы вам? А если не надобны, то пойдем с братом где-нибудь себе кельи искать". Горько жалуется, что нет житья от Бориса Голицына и Льва Нарышкина: "Меньшого брата с ума споили, старшего ни во что ставят, комнату его дровами завалили; ее, Софью, называют девкою, как будто не дочь она царя Алексея Михайловича; хотят отрубить голову князю Василью Васильевичу, который сделал так много добра: с Польшею заключил мир

вечный; с Дону прежде беглых не выдавали, а теперь выдают его промыслом; житье наше ставится коротко; радела она обо всячине, и все из рук тащат". "Не уходите к Троице, пожалуй, и вы побежите? целуйте крест!" И привела стрельцов к присяге, что не побегут. Но это не помогло. Наступило 1 сентября, праздник Нового года. Нерадостно встретила его Софья и ее приверженцы: из Троицкого монастыря приехал полковник Нечаев с стрельцами, привез к царю Ивану и Софье грамоту, в которой Петр извещал их о заговоре и требовал присылки Федьки Шакловитого и старца Сильвестра Медведева с сообщниками для розыска к Троице. Это произвело сильное движение при дворе; народ был поражен; большинство, по словам очевидца, решило оставаться спокойным и ждать, чем кончится дело. Нечаева позвали на Верх и спросили, как он смел привезти грамоту? Тот отвечал, что не смел ослушаться царского повеления. Софья велела отрубить ему голову, но он спасся тем, что не могли или не хотели скоро сыскать палача, а между тем гнев Софьи прошел. Но от Троицы вместе с Нечаевым приехали также и стрельцы; Софья велела позвать их к Красному крыльцу и, сошедши вниз, начала говорить: "Для чего вы приехали? и с каким указом? чему вы тому верите, что вам в Троицком монастыре прочитали, те письма от воров составлены, и вы без указу с Москвы в Троицкий монастырь не ездите для того: брат мой, Петр Алексеевич, меня к себе в монастырь не допустил. И за которыми людьми вы присланы, и я их вам не отдам для того: будет отдать вам девять человек, а они оговорят и 900 человек, чему тому верить? Довелось прислать тех к Москве для розыску, которые их оговаривают, и я вас не отпущу, и которые пойманы и сидят на съезжих избах - не дам и для того в Троицкий монастырь пошлю боярина. Знатно то дело клонят, хотят меня извести. Злые люди учинили между нами ссору и научили говорить об умысле против царя Петра Алексеевича и других. Завистию к верной службе и радению Федора Шакловитого назвали его заводчиком злого умысла. Чтоб разведать обо всем, я сама пошла к Троице, но царь Петр Алексеевич велел меня остановить по наущению злых советников, и должна была я возвратиться с великим срамом. Всем вам ведомо, как я в эти семь лет правительствовала, а приняла правительство в самое смутное время, учинила славный вечный мир с христианским соседним государем, а враги креста Христова от оружия моего в ужасе пребывают. Вы за ваши службы пожалованы нашим великим жалованьем, и милость нашу к себе всегда видели. Ужели после того вы нам учинитесь неверны, поверивши вымыслу злых людей, которые всему христианству добра не желают и смуту заводят. Не головы Федора Шакловитого ищут, ищут головы моей и брата моего, Ивана Алексеевича".

В сильном волнении Софья не чувствовала усталости; подозвала к себе лучших из торговых и посадских людей и говорила им в том же роде; наконец велела собрать весь народ, бывший в Кремле, и держала перед ним, по свидетельству очевидца, длинную прекрасную речь.

А между тем в Кремле все было приготовлено к празднованию Нового лета. Но патриарха нет, царь Иван нездоров, царевне-правительнице не до праздника - и приготовления были отменены. Стрельцов угостили водкою. Знать и служилые иноземцы получили свою чарку водки из рук самого царя Ивана Алексеевича. В это время Шакловитый служил последнюю службу царевне: писал сказку ко всем чинам Московского государства с изложением всего дела для оправдания Софьи, для обвинения стороны противной, писал, как царевна приняла правительство по челобитью всего народа, по благословию патриарха, а теперь Нарышкины ее и брата ее царя Ивана Алексеевича бесчестят, к руке не ходят, прибрали потешных конюхов, от которых многим людям чинятся обиды и насилия; на челобитные об этом царю Петру нет ответа; комнату царя Ивана забросали поленьями, изломали его венец.

Шакловитый служил последнюю службу, но Голицын не принимал никакого участия в московских движениях. Шла переписка между родственниками: князь Борис писал князю Василью, чтоб приезжал к Троице, чтоб заслужил этим расположение царя Петра; князь Василий отправил подьячего к Троице уговаривать князя Бориса, чтоб примирил обе стороны. Князь Борис велел отвечать, что лучше всего, если он, князь Василий, как можно скорее приедет к Троице, что царь примет его отлично. Между тем из Троицкого монастыря новые требования о выдаче Шакловитого; стрельцы начинали роптать, зачем так долго тянется дело; Софья велела повестить, что сама вместе со старшим братом отправится к Троице. Стрельцы роптали в Москве, что дело долго не оканчивается; их братья у Троицы также теряли терпение: в Москве у них были жены, дети, промыслы; они приступили с просьбою, чтоб им позволено было идти в Москву и захватить Федьку Шакловитого с товарищи; но молодой царь и советники его не согласились на это, боясь усобицы. Насчет дальнейшего поведения мнения делились у Троицы: одни хотели, чтоб царь ускорил решение дела, приблизившись к Москве, остановившись в Алексеевском или Преображенском. Но благоразумнейшие противились этому, представляя, что тут может произойти кровопролитие, тогда как дело делается само собою. Князь Василий Голицын приговаривал, чтоб от Троицы стрельцов человек десятков-другой подговорить, чтоб, на них смотря, иные бежали; а как стрельцы побегут, то и государь будет в Москве, и здесь сойдутся и между собою переговоят.

Еще 2 сентября отправились к Троице некоторые из Немецкой слободы, и Гордон поручил им извинить его, что он нейдет, не зная, будет ли приятен его приход или нет. 4 числа явилась в слободе царская грамота (от 31 августа), призывавшая всех служилых иноземцев к Троице. Иноземцы решили, что должно показать грамоту князю Василью Васильевичу Голицыну, как главному своему начальнику. Гордон с несколькими полковниками отправился к Оберегателю. Тот был сильно смущен, когда они подали ему грамоту, но поспешил оправиться и отвечал, что покажет грамоту старшему царю и царевне и тогда скажет, что им делать. Гордон

заметил, что они боятся за свои головы, если не послушаются. Голицын обещал прислать ответ не позже вечера; но иноземцы не хотели дожидаться ответа, вечером двинулись в путь и в И часов утра на другой день были у Троицы, целовали руку у царя, который каждому поднес по чарке водки. В такое время натянутого ожидания и нерешительности всякое движение в ту или в другую сторону чрезвычайно важно, сильно увлекает: начали громко говорить в пользу царя Петра, когда узнали, что и немцы ушли к нему.

У Софьи все еще оставались стрельцы; но когда разнеслась весть, что царевна не поедет к Троице, потому что ее туда не пустят, то стрельцы потеряли всякое терпение и вечером 6 сентября явились большою толпою в Кремль с челобитьем к царевне, чтоб выдала Федьку Шакловитого, которого они поведут к Троице. Сначала Софья отвечала, что не выдаст и чтоб они жили спокойно, не вмешивались в ссору ее с братом. В толпе раздался шум, послышались голоса, что нечего дожидаться, надобно приниматься за набатный колокол. Это сильно поразило Софью. Сцена 1682 года повторилась, только с переменою лиц: тогда стрельцы требовали у царицы Натальи выдачи брата ее, Ивана Нарышкина, и перетрусившие бояре уговаривали царицу пожертвовать братом, чтоб им всем не погибнуть из-за одного; теперь стрельцы, грозя бунтом, требуют у Софьи выдачи Шакловитого, и окружающие царевну уговаривают ее исполнить требование, иначе многим придется поплатиться жизнью. Софья выдала Шакловитого, но Медведев успел скрыться. В тот же день бояре, остававшиеся в Москве, по вызову Петра отправились к Троице: не поехал один Голицын, он удалился со своими приближенными в подмосковное село Медведково: весть о выдаче Шакловитого сильно поразила его.

7 сентября привезли Шакловитого в монастырь. На расспросы о преступных замыслах он отвечал: в 1687 году, в Великий пост в Казанском соборе за иконою богородицы вынули письмо с не пристойными словами на царевну Софью Алексеевну, и в то же время у государя Петра Алексеевича начали прибирать потешных конюхов, и от того возродилось опасение: царевна Софья сказала ему, Шакловитому, чтоб выбрал стрельцов радетельных и верных к ней и к царю Ивану, и он, призвав пятисотных, говорил, что если будет замешание, то чтоб государей оберегали. Стрельцы к нему прихаживали и говаривали, что их потешные конюхи везде обижают и побивают, говорят: вас-де станут за ноги таскать, и если с ними не управиться, то будет всем худо, и он им отговаривал. На первой пытке после 15 ударов он повинился во всем, что на него ни взводили; перед второю он обещал объявить все без утайки и написал, что на жизнь царя Петра Алексеевича никогда не умышлял; об убийстве царицы были разговоры с Кузьмою Чермным, который первый начал; князь В. В. Голицын жалел, что царицу не убили прежде, в 1682 году; намеревались произвести пожар в Преображенском; стрельцов собирали для собственной защиты, а не для бунта. Кто внушил царевне мысль венчаться на царство, он не знает, ни он, ни Голицын ей этого не

советовали, и Голицын даже писал об этом из похода с ужасом; наконец, он, Шакловитый, писал последнюю сказку для народа об обидах царевне. В умысле на жизнь Петра Шакловитый не повинился, хотя Филипп Сапогов объявлял, что Шакловитый подговаривал его, как пойдет царь Петр в поход, бросить на дороге ручные гранаты или тайком положить их в сани, также убить государя во время пожара в Преображенском. Впоследствии, в 1699 году, стрелец Петрушка Кривой показывал: "После 1682 года я бывал в доме у Федьки Шакловитого и вместе с Федькою у князя Ивана Засекина, и Федька с князем Иваном при мне между собою говорили: ходит он (государь) на пожары не со многими людьми: убить бы его стрельцам".

Шакловитый был так тесно связан с Голицыным: участь обоих должна была решиться вместе. В тот же день, как привезли Шакловитого, 7 сентября, около 5 часов пополудни явился к Троице и князь В. В. Голицын со своими приближенными, известными своею военною и приказною деятельностью, окольниковым Леонтием Неплюевым, Венедиктом Змеевым, думным дворянином Григорьем Косоновым и думным дьяком Емельяном Украинцевым. Их не пустили в монастырские ворота, велели стать на посаде и не съезжать без указа. Вечером Гордон навестил Голицына и нашел его в раздумье. Вечером 9 числа позвали Голицына с сыном Алексеем во дворец. Когда они поднялись на лестницу, навстречу вышел думный дьяк и прочел им указ, что они лишаются чести боярства, ссылаются с женами и детьми в Каргополь, имение отписывается на государя, за то что, во-1), они сестре великих государей о всяких делах докладывали мимо великих государей и писали ее с великими государями обще и в книгах и на деньгах обще ж с великими государями ее печатать велели, без указа их великих государей. Во-2), быв послан в 1689 году в Крымские юрты, князь Василий Голицын, пришед к Перекопу, промыслу никакого не чинил и отступил, каковым нерадением царской казне учинил великие убытки, государству разорение, а людям тягость.

За Голицына шла сильная распря между близкими к Петру людьми. Уничтожение местничества нанесло сильный удар родовому быту; но следствия этого удара еще не могли обозначиться в такое короткое время; все еще были пропитаны понятием о родовом единстве, вследствие которого честь одного члена рода поднимала целый род, а бесчестие одного падало на всех родичей. Вот почему князь Борис Алексеевич хлопотал изо всех сил, чтоб родич его князь Василий не был обвинен в измене, чем запятнался бы весь род Голицыных. Гордон рассказывает за достоверное следующее: после первой пытки и когда грозила вторая, Шакловитый обещал представить царю на письме самое правдивое изложение дела. Сам князь Борис пошел к нему, понес перо и чернила. Шакловитый исписал от 8 до 9 листов бумаги; время было уже за полночь, когда он кончил, царь лег спать, и князь Борис взял бумаги к себе домой, чтоб следующим утром показать царю. Но люди, злобившиеся на князя Бориса за его желание спасти князя Василия от обвинения в измене (т. е. Нарышкин с товарищами), следили зорко за всеми движениями князя

Бориса, поспешили донести царю, что князь взял себе признание Шакловитого, верно, для того, чтоб прочесть и вырвать то, что клонилось к вреду князя Василья. Царь посылает к Шакловитому - написал ли он признание? Тот отвечает, что написал и отдал князю Борису. Но один из приятелей успел уже дать знать князю Борису о беде, и тот спешит с бумагами к царю, который встречает его грозным вопросом: зачем не подал бумаг сейчас же? Голицын отвечает, что было уже очень поздно. Петр удовлетворяется ответом и продолжает по-прежнему держать князя Бориса в приближении; но царица Наталья и друзья ее не мирятся с ним.

По прочтении приговора князю Василью Голицыну прочли приговор товарищу его Неплюеву: у него также отнято было околичество, имение и назначена ссылка в Пустозерск (после в Колу). Вина - жестокие притеснения находившимся в его ведении комарицким солдатам, которых жалобам до сих пор не давали ходу в Москве друзья Неплюева. Змееву велено жить в его костромском имении, Косоков и Украинцев оставлены на прежних местах.

Шакловитого с главными сообщниками осудили на смерть. Сохранилось любопытное известие, что Петр не соглашался на казнь их, и только патриарх уговорил его, и что когда разнеслась весть, что Шакловитого будут казнить без вторичной пытки, то многие из служилых людей собрались в монастырь, "служба великому государю", как они говорили, и били челом, чтоб велено было Шакловитого пытать еще раз: пусть объявит своих соумышленников. Царь выслал сказать им, что он доволен показаниями Шакловитого и что им не пригоже мешаться в это дело.

11 сентября Шакловитый, Петров и Чермный были казнены смертию; пятисотного Муромцева, полковника Рязанцева и стрельца Лаврентьева били кнутом и с урезанием языка сослали в Сибирь. А за Голицына все еще продолжалась борьба. Враги его настояли, что ссылка в Каргополь слишком легкое наказание и что надобно сослать его в Пустозерск; но потом, как видно, князь Борис пересилил, и назначен был Яренск местом ссылки. Настояли, чтоб Голицыным был сделан по крайней мере допрос на основании показаний Шакловитого. Их допросили на дороге, в Ярославле; и отец и сын клялись, что не принимали никакого участия в умыслах Шакловитого. После допроса они послали государям челобитную: "Вам, великим государям, приносим, аки самому богу в емвериском (емпирийском?) небе, пред самым престолом его спасителевым, что никогда Федька Шакловитый мне, Ваське, крайний друг николи не бывал, а знакомство отдавали, как обычай и с иными, просто". Голицыных повезли далее. Когда они стояли в Вологде, неожиданно является перед князем Васильем комнатный стольник князь Кропоткин, не с новым допросом, а с утешительным письмом и с деньгами от царевны Софьи Алексеевны. Достигнув Яренска, Голицыны написали новое челобитье царям: "Страждем мы, бедные, близ конца живота своего; а оклеветаны вам, в государям, невинно. Как нас, холопей ваших, везли к Тотме, и, не доезжая

города, на реке Сухоне, возки жен наших и детей и дворовых людишек в воду обломались, и жен и детишек наших малых насилу из реки вытаскали и лежали в беспамятстве многое время". Бил челом боярину Стрешневу и пристав Голицыных, который должен был вместе и ведать город, жаловался, что кормиться нечем, "Городишко здесь самое убогое: всего, и с целовальниками, и с подьячими, и с приставом, 30 дворитков. А уездные люди в городе мало бывают; все сами промеж собою судятся, а государские всякие подати выбирают промеж себя: лишь наша сухота!"

И в Яренске Голицыны не остались. Дело о сообщниках Шакловитого тянулось, являлись новые показания, обвиняли Голицына в сношениях с колдунами; нашли переписку его с Шакловитым во время первого крымского похода: из переписки оказывалось, что он был именно *крайний* друг Шакловитому, а не простой знакомец; явился донос, что Голицын взял деньги с хана и потому отступил от Перекопи. Попался и Кропоткин: наконец явился самый опасный донос: монах Иоасаф извещал, что когда он был в Яренске, то князь Василий велел сказать князю Борису, чтоб его, князя Василья, берегли, пригодится, потому что царю Петру только год жить. Донос оказался совершенною клеветою, монах никогда и не бывал в Яренске, а вздумал оклеветать князя Василья, чтоб заслужить милость князя Бориса Алексеевича! Остальные обвинения Голицын отвергнул. Несмотря на то, его перевели в Пустозерск; с дороги он писал царям: "Ныне в пути мучим живот свой и скитаемся Христовым именем, всякою потребою обнищали и последние рубашки с себя проели. А в Пустозере хлеб зело дорог и всякая живность, и помереть будет нам томною и голодною смертию. Милосердые великие государи! Велите нас, бедных и невинных, возвратить из такого злого тартара". Голицыных перевели в Пинежский волок - и здесь забыли: князь Борис, как увидим скоро, потерял свое первенствующее положение, которое перешло к Нарышкиным.

Решилась участь и третьего близкого к Софье человека, имя которого неразлучно с именами Голицына и Шакловитого. Мы видели, что *Леший Медведь*, как называли Сильвестра Медведева враги его, успел скрыться из Москвы и направлял путь к западной, польской, границе, но дорогобужский воевода схватил его в Бизюкове монастыре вместе с известным пятидесятником Гладким и отправил обоих в Троицкий монастырь. "Шакловитый, - говорил Сильвестр при допросе, - о государском здоровье и о убийстве никаких слов мне не говаривал, а сказывал мне пятисотный Ларион Елизарьев и, пришед ко мне, плакал, говорил: пришла на нас беда великая, не знаем, как быть, призывал нас Федор Шакловитый, меня, да Андрюшку Кондратьева, Алешку Стрижова, Оброску Петрова, и говорил, чтоб им тайно в ночь побить боярина Льва Кирилловича Нарышкина, да кравчего князя Бориса Алексеевича, и иных; я им отвечал: если вы так сделаете, то пропадете и с Федором здесь и в вечное душами; скажите ему, Федьке, что вам того дела учинить одним невозможно, а иным говорить вы о том не смеете, говорил бы он сам. И он,

Ларион, с товарищи ему, Федьке, отказали и того делать не стали. Говорил Федька дважды мне, Селиверстку, наедине: как бы не было царицы Натальи Кирилловны, так бы у царевны с царем Петром было советно. Церкви святой я не смущал, а которые тетрадки писал дьякон Афанасий, что был у Спаса на дворце, о пресуществлении, и ту тетрадку принес ко мне показать он, дьякон, и я с той тетрадки списал себе две тетрадки; на патриарха в той тетрадке ничего не написано, а писано на греков; а книгу о Манне я написал по приказу царевны, и та книга посыпана была к гетману Ивану Степановичу и к киевским властям к свидетельству и с нею другая греческая книга, и в Киеве на обличение греческой книги написана обличительная книга и прислана князем В. В. Голицыным, как в 197 (1689) году был на службе. Извет Филиппа Сапогова, что умышлял я с Шакловитым убить патриарха, - ложный; а караул у меня был от Велика дни для того, чтоб патриарх тайно меня не сослал. И была у меня написана книга летописная, начата с 190 года, о правлении великой государыни и что было с того году, а писана та книга с письма Карионова, а чернил ту книгу я, а переписывал дьячок Ивашка".

На очной ставке с Сапоговым Медведев заперся. Его рас стригли и пытали, дали 15 ударов; не признался. Винился в одном что говорил стрельцам: "Не бойтесь! Хотя царя Петра сторон). и повезет, и много будет дней на десять, а то опять будет рука сильна стороны царевны". Это говорил ему Шакловитый, слыша от одного юродивого. Повинился, что говорил про патриарха: учился мало и речей богословских не знает; повинился, что под портретом царевны подписывал полный титул "вседержавнейшей самодержицы", семь добродетелей и вирши.

Расстриженного, называвшегося теперь уже Сенькою, Медведева отдали в руки духовному начальству, которое приставило к нему двоих увещателей, новоспасского архимандрита Игнатия и Софрония Лихуда; Сенька принес покаяние в ереси, объявил свою *Манну обманною*. Собор определил *сжечь Манну* всенародно, Медведева разрешить от церковной клятвы и сослать в монастырь под начал. Но этим дело не кончилось. После долгого укрывательства схвачен был один из главных сообщников Шакловитого, Стрижов, который показал на Медведева, что тот имел связь с каким-то поляком Силиным, занимавшимся чародейством и вызванным в Москву лечить глаза царю Ивану Алексеевичу. Силин долго жил у Медведева, и тот говорил ему, что Софья хочет выйти замуж за Голицына, а Медведева возвести на патриаршество вместо Иоакима. Медведева подвергли новой страшной пытке огнем и железом и потом казнили смертью 11 февраля 1691 года.

Что же делала Софья в то время, когда на пытках и казнях лилась кровь ее приверженцев? После выдачи Шакловитого, на которой настояли стрельцы, - единственной надежды царевны - судьба ее была решена. Петр написал к старшему брату от Троицы, что "милостию божиею вручен нам, двум особам, скипетр правления, также и братьям нашим, окрестным

государям, о государствовании нашем известно: а о третьей особе. чтоб быть с нами в равенственном правлении, отнюдь не вспоминалось. А как сестра наша царевна Софья Алексеевна государством нашим учала владеть своею волею, и в том владении, что явилось особам нашим противное, и народу тягости, и наше терпение, о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи, не удоволяся милостию нашею, преступя обещание свое, умышляли с иными ворами о убийстве над нашим и матери нашей здоровьем, и в том по розыску и с пытки винулись. А теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титулах и в расправе дел быти не изволяем; на то б и твоя, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она в дела вступать и в титула писаться собою без нашего изволения; к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас! Тебе же, государю брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мне отеческим своим изволением, для лучшие пользы нашей и для народного успокоения, не обсылаясь к тебе, государю, учинить по приказам правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре. А как, государь братец, случимся вместе, и тогда поставим все на мере; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готов".

В этой грамоте ничего еще не говорится о будущей участи свергаемой правительницы. Но чрез несколько времени приехал от Троицы в Москву боярин князь Иван Борисович Троекуров с приказом Софье идти в монастырь; после долгих отговорок она принуждена была повиноваться и переселилась в Новодевичий монастырь.

Софья была в монастыре, Голицын в ссылке. Шакловитый в могиле, а все еще работали заплечные мастера, все еще продолжались доносы, пытки и казни по тому же делу. Неизвестно, по каким причинам старый стольник Безобразов должен был поневоле отправиться воеводою на Терек. Когда он находился в дороге, явился извет от холопей в сношениях его с Шакловитым и с разными колдунами, которые брались своими средствами приворотить к нему царя Петра и царицу Наталью, чтоб были к нему добры и возвратили его в Москву. На пытке и Безобразов, и колдуны - все повинились; Безобразову отсекли голову, двоих колдунов сожгли в срубе.

Уже четыре года спустя на Белозере явились подметные письма: в них монахи Кириллова Белозерского монастыря обвинялись в страшно безнравственном поведении, в сношениях с князем В. В. Голицыным, в желании испортить царя Петра с семейством. В начале 1694 года открылось, что составителем писем был монах Кириллова монастыря Иоанникий, в мире Иларион Семенович Лопухин. Иоанникий повинился,

что писал письма, желая освободиться из монастыря и расстричься. Его били кнутом и сослали в Соловки.

Софья была в монастыре; царь Иван Алексеевич оставался по-прежнему царем только по имени, занимал царское место в церемониях, власть перешла к одному царю Петру. Но семнадцатилетний Петр был еще неспособен к управлению государством, он еще доучивался, довоспитывал себя теми средствами, какие сам нагнел и какие были по его характеру; у молодого царя на уме были потехи, великий человек объявился после, и тогда только в потехах юноши оказались семена великих дел.

Кто же правил государством? кто по крайней мере имел самое сильное влияние в правительстве? Мы видели, что у Троицы всем заведовал князь Борис Голицын, потому что был умнее, энергичнее, смелее всех. "Князь Борис Алексеевич Голицын распорядился всем у Троицы, - говорит Гордон, - потому что никто другой не смел вмешиваться в такое щекотливое дело, каким оно сначала казалось". Но мы видели также, какое сильное негодование навлек на себя князь Борис со стороны царицы Натальи и ее родственников, выгораживая князя Василья из изменного дела. Эта ссора с Нарышкиными повела к тому, что когда опасность миновала, когда, следовательно, прошла нужда в человеке, способном управлять во время опасности, то князь Борис по возвращении двора в Москву потерял то значение, какое он имел у Троицы, и главным лицом в управлении явился брат царицы боярин Лев Кириллович со своими родственниками. Лев Нарышкин стал заведовать первым по своей важности приказом Посольским, хотя и без титула Оберегателя; князь Борис Голицын должен был удовольствоваться приказом Казанского дворца. Родственники молодой царицы получили свою долю в лице самого видного из них, боярина Петра Абрамовича Лопухина, которому достался Приказ большого дворца и Дворцовый судный; Стрелецкий приказ был поручен князю Ив. Бор. Троекурову; Разряд - боярину Тихону Никитичу Стрешневу. Князь Борис, потерявши прежнее значение, стал подвергаться большим оскорблениям в самом дворце. Сильно нападали на него Долгорукие: однажды в 1691 году князь Яков Федорович Долгорукий, побранившись с ним во дворце называл его изменничьим правнуком, потому что при Расстриге прадед его в Яузских воротах был проповедником. Вражда не утихала, и в следующем году в хоробах царя Петра Долгорукие - князь Яков и брат его, князь Григорий Федоровичи, напали на князя Бориса, обвиняя его, что он велел своему держальнику прибить брата их, князя Бориса. "Ах ты пьяница! - кричали Долгорукие. - Да таких же собрав пьяных, водишь с собою, и, напоя держальников своих, велишь бить брата нашего, и возишь пьяную станицу не в причинные места, куда и возить не надобно, полно увернулся за сани, быть было в тебе ножу; поди теперь, вон брат князь Борис дожидается у Спаса вверху, подери его за волосы, так из тебя и оходы вырежет, а се подь сюда, мы скорее вырежем и выпустим кишки и годовалые дрожжи выьем из тебя, ты весь налит вином. Ты бы сам, налив белки, лучше об угол ударился, чем

брата нашего за волосы драть, ты бы отца своего за бороду драл! не дорожи делом, *ныне не старая пора, с мечами стоять не велите*". С Долгоруких велено было взыскать в пользу обоих Голицыных - отца и сына - бесчестье 3000 рублей с лишком; но князь Борис бил челом, что отец его при кончине своей приказал не брать бесчестья, также и он, князь Борис, о своем бесчестье на Долгоруких не челобитчик.

Гордон называет Льва Нарышкина новым любимцем или новым первым министром, противопоставляя его старому, т. е. князю Борису Голицыну. Второе название - первый министр, разумеется, единственно справедливое. Ни Голицын, ни Нарышкин не были любимцами Петра; любимцем его был служилый иноземец знаменитый Лефорт.

О Лефорте, его значении существуют у нас различные мнения. Одни говорят, что он сделался известен Петру очень рано, очень рано приобрел на него большое влияние; другие утверждают, что Петр сблизился с Лефортом не ранее августа 1689 года, когда Лефорт прежде других иностранцев явился к Троице и там заявил свою привязанность к Петру. Одни, сочувствующие делу преобразования, величают Лефорта благодетельным наставником Петра, пробудившим его гений; другие во встрече и сближении Петра с Лефортом видят несчастье, потому что Лефорт говорил Петру о русских обычаях с презрением, а все европейское возвышал до небес; некоторые, наконец, отвергают всякое влияние Лефорта на Петра.

Вопрос о времени, когда Лефорт сблизился с Петром, не имеет важности: когда бы ни произошло сближение, важны только его следствия. Все согласны в одном, что привязанность Петра к Лефорту была самая сильная, и этого довольно. Важный вопрос состоит в том, что за человек был Лефорт? Мы видели, что Россия поворачивала к Западу и при этом повороте встретила у себя, в Немецкой слободе. Молодой царь, сгорая неудовлетворенною жаждою знания, уже начинает создавать новое и тут встречается с людьми, которые были именно призваны для того, чтобы выучить русских необходимым вещам, завести то, что сами русские не могли у себя устроить. Понятно, что царь должен был обратиться преимущественно к этим людям. Но этого мало, что один из них выучил его разным частям математики, другой строил ему кораблики: между иностранцами он нашел человека, к которому сильно привязался, с которым стал неразлучен; этот человек и был Лефорт.

Лефорт был полным и блестящим представителем людей, населявших Немецкую слободу. Он не имел прочного образования не мог быть учителем Петра ни в какой науке, не был мастером никакого дела; но это был человек бывалый, необыкновенно живой ловкий, веселый, открытый, симпатичный, душа общества, мастер устраивать пиры на славу. Иностранец, могший выучить Петра геометрии, могший показать ему употребление астробии и ограничившийся этим, не мог иметь влияния на

знаменитого ученика но могущественное влияние должен был иметь человек с характером Лефорта, человек, умевший сделаться неразлучным товарищем, другом молодого государя. Это влияние не могло обнаружиться в делах внутреннего управления: Лефорт по характеру своему в них не вмешивался; влияние обнаруживалось в другом: Лефорт возбуждал Петра предпринять поход на Азов, уговорил ехать за границу: по его внушению царь позволил иностранцам свободный въезд и выезд. Очевидно, что Петр, как преобразователь в известном направлении, окончательно определился в тот период времени, к которому, бесспорно, относится близкая связь его с Лефортом. т. е. от 1690 года до возвращения из-за границы: и это время он ушел из Москвы в Немецкую слободу, из Немецкой слободы в Западную Европу. И, кроме неоспоримых свидетельств. нельзя натягивать, что Петр относился к Лефорту только как к веселому товарищу приятельских бесед, незаменимому в искусстве устроить пир на славу: что Петр ставил Лефорта высоко, свидетельствует назначение его одним из главных вождей азовского похода, адмиралом, главою посольства в Западную Европу; если б Петр смотрел на Лефорта как на веселого товарища в пирах только, то назначил бы его не адмиралом и не послом, а Кокуйским патриархом, как Зотова. Пусть говорят, что Петр ошибся в способностях Лефорта, который не был искусным полководцем ни на суше, ни на море: но эта самая ошибка для нас и важна, ибо показывает, какое преувеличенное мнение имел Петр о Лефорте, как. следовательно, легко подчинялся его влиянию, и неудивительно. если обратим внимание на возраст Петра. Петр в 1690 году не был тем Петром Великим, каким он был в 1709 или 21 годах. Молодой Петр привязался к иностранцу Лефорту и дал ему такое важное значение в государстве; возмужалый Петр, Петр Великий, имел правилом не возводить иностранцев на первые места в государстве.

Лефорт не вмешивался в дела внутреннего управления, не вмешивался в него и сам царь, предоставив все Льву Нарышкину с товарищи; молодого Петра занимали прежние потехи, за которые иногда приходилось дорого платить: так, 2 июня 1690 года при штурме Семеновского двора ему опалило лицо. 4 сентября подле Преображенского происходила примерная битва: лучший стрелецкий полк - стреляной, состоявший из конных и пеших стрельцов, должен был драться против потешных, против семеновской пехоты и конных царедворцев; в то же время два стрелецких полка должны были драться друг с другом; дрались, пока смерклось, много было раненых и обожженных порохом. В октябре 1691 года "был великий и страшный бой у генералиссимуса Фридриха Ромодановского, у которого был стольный город Пресбург. Рейтары ротмистра Петра Алексея отличились; отличился и сам ротмистр, взявший в плен неприятельского генералиссимуса". "И тот бой равнялся судному дню"; ближний стольник князь Ив. Дмитр. Долгорукий "от тяжкия своея раны, паче ж изволением божиим, переселился в вечные кровы, по чину Адамову, идеже и всем нам по времени быти", - писал Петр. Осенью 1694 года происходили бои в самых обширных размерах, знаменитый кожуховский поход (подле

деревни Кожухово, недалек от Симонова монастыря). Русскою армиею командовал старый генералиссимус князь Федор Юрьевич Ромодановский; у него были потешные полки: Преображенский и Семеновский, выборные полки солдатские - Лефортов и Бутырский, три роты гранатчиков, восемь выборных рот рейтарских, две роты даточных людей под именем Нахалов и Налетов и 20 рот стольничьих. Неприятельскою армиею командовал польский король - Ив. Ив. Бутурлин, у него были полки стрелецкие, роты из дьяков и подьячих, всего 7500 человек. Король защищал безыменную крепость, Ромодановский брал ее и, разумеется, взял; бомбардир Петр Алексеев отличился и тут - взял в плен стрелецкого полковника; потеряв крепость, польский король засел в укрепленном лагере и упорно отбивался, наконец должен был сдаться. Потеха не обошлась без раненых и даже без убитых.

Рядом с потехами на суше шли потехи на воде. Царь собственноручно построил яхту и спустил ее на Москву-реку весною 1691 года; на Переяславской верфи работы продолжались, и царь так был погружен в них, что в феврале 1692 года Лев Кириллович Нарышкин и князь Борис Алекс. Голицын сами ездили в Переяславль уговаривать царя приехать в Москву для приема персидского посла. 1 мая был спущен на озеро первый корабль; в июле весь двор отправился в Переяславль и пробыл там до сентября: царица Наталья, не имея возможности удержать сына в Москве, должна была сама отправляться на место его любимых потех.

Но матери трудно было следовать за богатырем, который рвался на более широкую воду, "охоте его равную". Переяславское озеро стало ему тесно; он посмотрел Кубенское - то было мелко. Неодолимая сила тянула его к морю. К матери за благословением - не пускает; наконец, "видя великое желание и неотменную охоту", пустила поневоле, взявши обещание не ходить самому по морю, а только посмотреть корабли. В июле 1693 года с большою свитою царь отправился на север, к Архангельску. Как только завидел море, обещание, данное матери, было забыто: поплыл провожать иностранные корабли. А мать шлет письмо за письмом, пишет о возвращении: "О том, свет мой, радость моя, сокрушаюсь, что тебя, света моего, не вижу. Писала я к тебе, к надежде своей, как мне тебя, радость свою, ожидать: и ты, свет мой, опечалил меня, что о том не отписал. Прошу у тебя, света моего, помилуй родшую тя, как тебе, радость моя, возможно, приезжай к нам не мешкав. Ей, свет мой, несносная мне печаль, что ты, радость, в дальнем таком пути. Буди над тобою, свет мой милость божия, и вручаю тебя, радость свою, общей нашей надежде пресвятой богородице: она тебя, надежда наша, да сохранит".

"И ныне подлинно отписать не могу (о своем приезде), для того что дожидаюсь кораблей, - отвечает Петр, - а как они будут, о том никто не ведает, а ожидают вскоре; а как они будут, и я, искупя что надобеть, поеду тотчас день и ночь. Да о едином милости прошу: чего для изволишь печалиться об мне? Изволила ты писать, что предала меня в паству матери

божией; такого пастыря имеючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и предстательством не точию я един, но и мир сохраняет господь. За сим благословения прошу - недостойный Петрушка".

Петр пишет, что был на море - обещание не сдержано. Новая причина матери беспокоиться, торопить сына, чтоб возвратился: "Сотвори, свет мой, надо мною милость, приезжай к нам. батюшка мой, не замешкав. Ей, ей, свет мой! Велика мне печаль. что тебя, света моего - радости, не вижу. Писал ты, радость моя ко мне, что хочешь всех кораблей дожидаться: и ты, свет мой, видел, которые прежде пришли - чего тебе, радость моя, тех дожидаться? Не презри, батюшка мой свет, сего прошения. Писал ты, радость моя, ко мне, что был на море: а ты, свет мой, обещался мне, что было не ходить".

А у сына было на уме, как бы пойти подальше на будущий год. Он устроил верфь в Архангельске, заложил корабль, другой заказал в Голландии. По праздникам ходил в церковь, сам читал Апостол и пел с певчими на клиросе; обедал у архиепископа Афанасия, с которым, между прочим, толковал о плавании по морям и рекам кораблями и другими судами; обедал и ужинал у иностранных купцов и корабельных капитанов, которые могли порассказать ему так много любопытного.

Сжегши фейерверк, Петр 19 сентября выехал из Архангельска в Москву. Здесь всю осень работал над приготовлениями к новому морскому походу и принял название шкипера вместо бомбардира. На этот раз помехи быть не могло к морскому по ходу: 25 января 1694 года умерла царица Наталья Кирилловна на 42 году своей жизни, после пятидневной болезни. Петр оплакивал кончину матери чрезвычайно, записал очевидец. После похорон (26 числа) вечером явились к царю братья и родственники покойницы, и приход их причинил новую чрезмерную скорбь чрез день, 28 числа, записано, что Петр был на празднике у Лефорта, на другой день там же. Но не одни пиры Лефорта развлекали Петра в его горе. "Федор Матвеевич! - писал он к двинскому воеводе Апраксину. - Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце. По сих, яко Ной, от беды мало отдохнув и о невозвратном оставя, о живом пишу". Это живое состояло в том, чтоб приготовлено было все нужное для строения нового корабля в Архангельске.

1 мая Петр отправился во второй морской поход, котором; придан был такой же потешный характер, как и сухопутным по ходам: адмиралом был назначен известный генералиссимус князь Ф. Ю. Ромодановский, "человек зело смелый к войне, а паче к водяному пути", как в шутку выражался об нем Петр; вице адмиралом - бывший польский король И. И. Бутурлин, контр адмиралом (шаутбенахтом) - Гордон. Первым делом Петра по приезде в Архангельск был спуск на воду корабля, который заложил он прошлый год. Потом царь отправился на яхте "Св. Петр" в Соловки; на дороге поднялась страшная буря, кораблекрушение казалось неминуемо.

Петр приобщился уже св. таин из рук сопровождавшего его архиепископа Афанасия: к счастью, нашелся искусный кормчий, Антон Тимофеев, который успел ввести яхту в Унскую губу, и они стали на якорь близ Пертоминского монастыря. Собственными руками Петр сделал крест в полторы сажени вышиною и поставил на том месте, где вышел на берег; на кресте виднелась голландская надпись: "Сей крест сделал шкипер Петр в лето Христово 1694".

Побывав в Соловецком монастыре, Петр возвратился в Архангельск, где спущенный перед тем на воду корабль был оснащен, вооружен и назван "Св. Павел", ждали с нетерпением корабля, заказанного в Голландии, наконец и он явился, то был сорокачетырехпушечный фрегат "Santa profetie" (Св. пророчество). Радость при получении этого сокровища ознаменовалась по обычаю большими пирами. "Что давно желали, ныне совершилось, - писал Петр в Москву к своим, - пространнее писать буду в настоящей почте; а ныне, обвеселяся, неудобно пространно писать, паче же и нельзя; понеже при таких случаях всегда Бахус почитается, который своими листьями заслоняет очи хотящим пространно писати". После пиров царь с своим флотом, состоявшим из трех кораблей, отправился провожать иностранные корабли и доплыл до Святого Носа, крайнего пункта на Белом море. В первых числах сентября Петр был уже в Москве.

Кроме этих потех было еще одно любимое удовольствие молодого Петра - приготовление и сожжение фейерверков. Во все потехах участвовала компания, эта знаменитая дружина, собранная из людей разных сословий, разного происхождения, побратавшихся во имя своего вождя, бомбардира и шкипера. Петр, не смотря на свою молодость и потешный характер своих занятий успел уже из окружающего общества притянуть к себе лучши силы, взять лучших людей, отличавшихся тою или другою способностью. Относительно этих способностей нас не должны смущать какие-нибудь иностранные известия, что тот или другой из сотрудников Петра имел мало сведений в том деле, которое было ему вверено: странно было бы предположить, чтоб Петр мог найти сонм гениальных людей, которые вдруг каким-нибудь чудом могли бы приобрести полное приготовление. Если бы Петр хотел окружить себя только людьми вполне приготовленными, то он должен был бы окружить себя одними иностранцами, отстранив всех русских; но этого-то он именно и не хотел и все важнейшие должности поручал русским, хотя бы и недостаточно приготовленным, но способным людям, ибо ему не нужно было делать новое дело чужими руками, что было бы легко для него, но не прибыльно для России: ему нужно было приучать русские руки к новому необходимому делу. Но понятно, что с самого же начала иностранцы, долженствующие служить своими сведениями новому делу, были необходимы, и подле русских мы встречаем в компании иностранцев, обруселых и необруселых еще, подле Ромодановского, Плещеева, Стрешнева, Апраксина, Головкина, Трубецкого, Куракина, Репнина, Бутурлина, Матвеева, Головина видим Виниуса Вейде, Кревета, Брюса.

Люди, владевшие могущественным средством приобретения знаний, иностранными языками, выдвинулись и те из них, которые были способны воспользоваться своим знанием, были способны к многообразной и сильной деятельности были притянуты Петром. Так, одним из близких к нему людей сделался думный дьяк Андрей Андреевич Виниус. Сын известного нам голландского выходца Андрея Денисова Виниуса, Андрей Андреевич родился в России, обрусел, был православный, от русских отличался только своим образованием, еще при царе Алексее Михайловиче был известен как переводчик книг, составитель краткой географии. Теперь уже старик, Виниус откликнулся на зов молодого преобразователя, и мы увидим многообразную, изумительную в его годы деятельность. Подобною же деятельностью отличался и переводчик английского языка в Посольском приказе - Кревет; в Посольском приказе сидел еще переводчик - Шафиров: это будущий вице-канцлер. Дел было много, рук мало, и члены дружины должны были заниматься многими делами, по примеру своего вождя - бомбардира, шкипера и корабельного плотника.

После марсовых и нептуновых потех дружина отдыхала не веселых пирах, в сильной борьбе с иностранцем Бахусом и со своим доморощенным Ивашкою Хмельницким. Как на сухопутных и морских потехах генералиссимусом и адмиралом был Ромодановский а Петр ротмистром, бомбардиром или шкипером, так и на пирах главою компании был Никита Зотов, "Всешутейший отец Иоаникит, пресбургский, кокуйский и всеяузский патриарх". Петр был и здесь только дьяконом. На святках компания ездил Христа славить; сам царь ездил по всем боярам и палатным людям, Зотов ездил к купцам. В январе 1694 года было большое торжество: женился шут Яков Тургенев на дьячьей жене; а за ним в поезде были бояре, окольниковые, думные и всех чинов палатные люди: а ехали они на быках, на козлах, на свиньях, на собаках, а в платьях были смешных: в кулях мочальных, в шляпах лычных. в крашенинных кафтанах, опушенных кошачьими лапами, в серы? разноцветных кафтанах, опушенных белыми хвостами, в соломенных сапогах, в мышьих рукавицах, в лубочных шапках. А Тургенев сам ехал с женою в государственной лучшей бархатной карете; а за ним шли Трубецкие, Шереметевы, Голицыны, Гагины в бархатных кафтанах; женился он, Яков, в шатрах на поле между Преображенским и Семеновским, и тут был банкет великий три дня.

Когда молодой царь со своею компаниею потешался таким образом, в остальном обществе происходили явления, которые, с одной стороны, объясняли поведение компании, с другой - показывали, как необходимо было обществу обновление, которого собственными, внутренними средствами оно достигнуть не могло. Вот печальная летопись:

В 1693 году била челом казначея царевича Алексея Петровича Татьяна, вдова стольника Всеволожского, что в доме боярина Кондратия Фомича Нарышкина при боярине и других свидетелях стольник Афанасий Короваев называл ее воровкою. Свидетели показали: Короваев говорил, что

Всеволожская - воровка и если б так приехала к нему, Афанасию, как приезжала к Степану Фефилатьеву, то он бы ее срубил. "Уже и женки ездят по разбоям!" - говорил Короваев и, когда Нарышкин спросил его, кто женки, отвечал: македонская княгиня за воровство на площадь вывожена и на плаху кладена, а вдова Татьяна приезжала к Фефилатьеву двора зажигать. Короваев показал, что он был у Нарышкина бить челом о родственнике своем Степане Фефилатьеве по делу с Всеволожскою. Татьяне доправлено бесчестье по Уложению.

Князь Александр Крупский бит кнутом за то, что жену убил. В 1694 году явились в воровстве по язычной молвке стольники Владимир с братом Васильем Шереметевы; в этом деле пытаны князь Ив. Ухтомский, Лев и Григорий Ползиковы. Леонтий Шеншин: языки на них с пытки говорили, что на Москве они приезжали среди бела дня к посадским мужикам и дома их грабили, смертные убийства чинили и назывались большими. Шереметевы были освобождены на поруки и даны для береженья боярину Петру Вас. Шереметеву; и после того языки их казнены. В том же году изменил Федор Дашков, поехал было служить к польскому королю; пойман на рубеже, расспрашиван и повинился и отъезде; из Смоленска прислан скованный в Москву, в Посольский приказ, а из Посольского приказа освобожден, потому что дал думному дьяку Емельяну Украинцеву двести золотых. В 1693 году послана была царская грамота алатырскому воеводе о посылке стрельцов в Печерскую пустынь для обереженья богомольцев от разбойников: "В ту пустынь ежегодно, июля к 8 числу, к чудотворному образу Казанской богородицы бывает съезд для богомолья, и в то же время от воровских людей и от разбойников на пустынь, и на братию, и на богомольцев бывает всякое разорение и разграбление, и в прошлых годах ту Печерскую пустынь разбойники разбивали не по одно время". В том же году по указу великих государей в Сольвычегодске бывшему земскому всеуездному старосте Пачезерской волости крестьянину Степану Пустынникову велено учинить наказание: на площади перед приказной избыю бить батоги, сняв рубаху, нещадно, для тою что он, будучи в малых числах (короткое время) во всеуездных старостах по совету с малыми людьми, без ведома усольцев посадских и уездных людей. бил челом великим государям, будто со всего мирского ведома, о Максимке и Федьке Пивоваровых, чтоб им быть по-прежнему в приказной избе в подьячих, и к той челобитной он, Стенька, дважды руку приложил: вверху подписался старостою Стенькою Пустынниковым, а в другой раз вместо выборного Козырева и за себя подписался крестьянином Пачезерской волости Стенькою Федоровым; кроме того, посылал челобитную, будто от всего мира, на именитого человека Григория Дмитриевича Строганова; писал челобитье, в котором челобитье архимандрита Введенского монастыря называл ложным, затаенным и своевольным, писал, что от этого в мире учинилась смута; к своему выбору и к челобитным велел прикладывать руки выборным и посадским и уездным людям, а посадские люди и волостные крестьяне с мирского совета его в старосты не выбирали, и выборному посадскому и волостным

выборным его выбирать не велели. Понимали, что дела идут дурно, что так нельзя быть, но как помочь беде? Мнения делились: одни говорили, что за морем лучше и надобно смотреть туда: другие повторяли, что надобно прежде всего выгнать немцев, от которых все зло. Последнего мнения держался, как мы видели, патриарх Иоаким. Он торжествовал с падением Софьи: враг его Медведев был расстрижен, повинился в ереси, казнен как изменник, малороссийские духовные спешили уверениями, что во всем согласны с святейшим. К Барановичу, который отговаривался малороссийским обычаем, послана патриаршая грамота: "Писали мы к тебе, желая ведать согласие и единомыслие твое к св. восточной церкви и к нам, архипастырю твоему; и твое боголюбие, презирая и в ничто полагая нас, отца и архипастыря твоего, но прошествии многого времени едва отписал, и то не по своей мудрости; мы тебя спрашивали об одном, а ты отвечал о другом. Мы тебе предложили от востока, а ты, отскочивши в противную сторону, говоришь от запада; и простому человеку стыдно так говорить; вместо того, чтоб противопоставить нам обычай, преданный св. отцами, ты толкуешь о своем застарелом обычае и о новшествах, обретающихся неосмотренно в новосочиняемых ваших книгах. Изъяви нам все искренно и немедленно, да не обнаружится пред нами твое непокорство и презрение. Или ты один вне власти, нам данной? Митрополит Гедеон и архимандрит Варлаам прислали нам свое согласие и единоумие во всем. Коли ты нас о себе не известишь, не смей священнодействовать до совершенного о тебе суда; да знаешь главу и отца твоего и да научишься не быть презорлив и непослушлив к архипастырю своему и восточной церкви святой. Если же будешь согласен с св. восточной церковью и объявишь немедленно свое согласие и единоумие с нами, то священнодействуй невозбранно".

В. В. Голицын, покровитель иезуитов, сослан, и патриарх со всем освященным собором бьет челом, что "езуиты живут на Москве многое время без дела, а прежде сего изстари при предках государских римские езуиты в Московском государстве никогда не были и не живали; а ныне живучи они, езуиты, в Москве чинят многую св. соборной апостольской церкви и догматом ея противность печатными письмами и образами на полотнах и на роговой кости, также и иными прелестями, а у св. соборной апостольской восточной церкви с западным римским костелом многие несходства, и чтоб великие государи больше сего им, езуитам, за такими вышепомянутыми препятствиями в Московском государстве жить не позволили". Великие государи указали: "Езуитов (Давида и Товию) с Москвы отпустить милостиво и дать им жалованье и подводы до литовского рубежа". Иезуиты били челом, чтоб позволено им было описать свое к царскому величеству и дать бы им сроку до тех пор, пока они продадут двор свой в Немецкой слободе, который куплен из царской казны, и сами в дорогу уберутся. Пересылаться им с царем не позволили и для сборов в дорогу дали только два дня. Чтоб вперед иезуиты как-нибудь не прокрались в Россию, издан был указ: "Великие государи указали для братской дружбы с его царским величеством быть

на Москве при одном ксендзе и другому, только б те ксендзы, живучи на Москве, ни в какие неподлежащие и не в свои дела не вступались и вере греко-российской никакой противности не чинили и русских людей не отвращали, и в дома к русским людям не ходили, а службу отправляли в домах у начальных людей римской веры, также бы и чрез почты как вестовых, так и затейных никаких писем в иные государства отнюдь не писали и не посылали, и под именем тех ксендзов в их ксендзовом платье не жили б на Москве езуиты, а были б те ксендзы светские плебаны, а не езуиты; а буде вместо тех плебанов объявятся на Москве езуиты, и те езуиты, также и плебаны высланы будут из Москвы вовсе и впредь им на Москве жить будет не позволено".

В торжестве своем над Медведевым и иезуитами Иоаким, разумеется, не мог стать ласковее к служилым иноземцам, против которых сильно вооружался и прежде. 28 февраля 1690 года, по случаю рождения царевича Алексея Петровича, знатнейшие из этих иноземцев должны были обедать за царским столом; патриарх настоял, чтоб их не было за столом, и это в то время, когда молодой царь и вельможи его не могли обойтись без иностранцев, сами ездили к ним и к себе постоянно приглашали. Перед смертью (в марте 1690 года) Иоаким составил завещание, в котором увещевал государей не допускать православных христиан дружитья с еретиками-иноверцами, латинами, лютеранами, калвинами и безбожными татарами, не давать иноверцам строить свои мольбища, а которые уже построены, разорить; чтоб запретили в полках и во всем государстве проклятым еретикам быть начальниками: "Какая от них православному воинству может быть помощь? только гнев божий наводят. Когда православные молятся, тогда еретики спят; христиане просят помощи у богородицы и всех святых - еретики над всем этим смеются; христиане постятся - еретики никогда. Начальствуют волки над агнцами! Благодатию божиею в русском царстве людей благочестивых, в ратоборстве искусных очень много. Опять напоминаю, чтоб иноверцам-еретикам костелов римских, кирок немецких, татарам мечетей не давать строить нигде, новых латинских и иностранных обычаев и в платье перемен по-иноземски не вводить. Удивляюсь царского синклита советникам полатным и правителям, которые на посольствах в иных землях бывали, видели, что всякое государство свои нравы и обычаи имеет в одеждах и поступках, свое держат, чужого не принимают, чужих вер людям никаких достоинств не дают, молитвенных храмов им строить не позволяют; в немецких государствах есть ли где церковь благочестивой веры?"

Не ранее трех месяцев по смерти Иоакима. в июле 1690 гола, собор начал рассуждать о выборе ему преемника: высшие указывали на Маркелла, митрополита псковского, человека ученого и образованного, низшие были против Маркелла и указывали на Адриан митрополита казанского. Царь Петр пристал к архиереям и хотел Маркелла, но царица Наталья Кирилловна с архимандритами, игуменами и нижним духовенством стояла

за Адриана. Врагам Маркелла не нравилась его обширная ученость, и они говорили, что ученый патриарх будет благоприятствовать иноверцам; какой-то архимандрит подал царице сочинение, где обличал Маркелла в ереси. Враги Маркелла пересилили, и Адриан был возведен на патриаршество.

Новый патриарх не мог не обратить внимания на страшное зло, семейную неурядицу, происходившую от неправильных отношений двух полов, от странного способа заключения браков. В ноябре 1693 года Адриан издал указ: "Священницы сопружествующие согласия жениха и невесты не истязуют и небрежно о сем имут, можицею и не хотяще едино лицо другому и не любящихся между собою сопружествуют и по сицевому началу и прочее житие тех мужа и жены бывает бедно и друг друга наветно и детей бесприжитно, и то творится вельми грешно и пребеззаконно: и великий господин указал досматривать, чтоб отныне к венчанию приходящих жениха и невесту священником поособно истязовати и накрепко допрашивати, по любви ли и согласию друг другу сопружествуются, а не от насилия ли или неволи каковы, а будет женское лицо, а паче девицы стыдятся сие рещи, допрашивати родителя ея, паче же мать, или аще матери не имать, сестры ея допрашивать о том, и аще кое их лице, паче же девическое совершенно умолчит или иное каковое знамение появит, отвращение лица от сопружника, плевание или потрясение руками, и таковых не сопружествовати, дондеже совершенное согласие ко друг другу появят". Разумеется, средства, предложенные в указе, не могли уничтожить или ослабить зло; странно было допрашивать отца и мать когда браки заключались по их единственной воле; но указ этот очень важен для нас в том отношении, что служит введением к последующим мерам Петра насчет заключения браков.

Правительство светское должно было обратить внимание на бесчинства, которые позволяли себе безместные монахи и монахини попы и дьяконы. В марте 1694 года состоялась именной указ: "Буде безместные чернецы и черницы в Кремле, Китае, Земляном городе и попы и дьяконы безместные же, безчинно и неискусно, также которые гулящие люди, подвязав руки или ноги, а иные глаза завеса и зажмурия, будто слепы и хромы, притворным лукавством просят на Христово имя милостыни, а по осмотру они всем здоровы: и тех чернецов и черниц и попов и дьяконов имать и приводить их в Стрелецкий приказ, а из Стрелецкого приказа отсылать в Патриарший приказ, чтоб отнюдь чернецы и черницы и безместные попы и дьяконы по улицам нигде не бродили и по кабакам не водились". Еще прежде новгородский митрополит Корнилий велел своим подьячим и недельщикам хватать на кружечных дворах лиц духовного звания, также и по улицам в нетрезвом виде и приводить в митрополичий приказ, "и от того себе скупов и поминок не имать и их не отпускать".

Борьба с раскольниками продолжалась в прежней силе.

Мы видели, что козаки-раскольники ушли с Дону на реку Аграхань, во владения шевкала тарковского. В начале 1691 года был отправлен к ним с призывною грамотою дворянин Басов. Когда в половине марта он приехал на Дон и потребовал у тамошних козаков, чтоб они дали ему провожатых и отпустили на Аграхань, то козаки отвечали: "Отпустить нам тебя нельзя, потому что мы уже раз посылали к раскольникам с царскою же грамотою, и они одного посланного убили и двоих других отпустили на Дон и с ними к нам приказали, чтобы мы отнюдь вперед с государевыми грамотами и войсковыми письмами к ним никого не присылали, а пришлем, то всех побьют". Послали в Москву к великим государям за указом; указ пришел: ехать Басову на Терек ко вдове князя Алегука Сунгеновича Черкасского, княгине Тауке Салтанобековне, и как она велит ему поступать, так и делать. Басов взял троих козаков с Дону и поехал к княгине Тауке на Царицын, на Астрахань и на Терек, из Терека приехал в улусы к княгине Тауке. Выслушав, в чем дело, княгиня послала в улусы к шевкалову брату Алибеку, чтоб приехал с нею повидаться. Алибек приехал, и Таука говорила ему, чтоб взял Басова с козаками и отвез их к брату своему шевкалу и сам уговаривал бы его, чтоб отдал в царскую сторону беглых с Дону козаков-раскольников. Поехали к шевкалу; тот, выслушавши Басова, отвечал: "Козаки пришли ко мне с Дону волею и живут в моем владении по воле же; я за ними не посылаю и выслать мне их неволею нельзя, потому что у нас так не водится, почитаю я их у себя за гостей; а чтоб они великим государям вины свои принесли и шли жить по-прежнему на Дон, о том я говорить им буду и милостию государскою обнадеживать, как возможно, но обратятся ли и пойдут ли на Дон или нет, того не ведаю; если пойдут, то я их держать не стану, отпущу тотчас; а ты бы к ним не ездил; если поедешь, то убьют они тебя до смерти, обошлюсь с ними я".

Послал шевкал к раскольникам в первый раз есаула; есаул возвратился с ответом, что козаки ездить к себе Басову не велели; а придет, убьют. Послал шевкал в другой раз брата своего Алибека; тот привез ответ подробнее, раскольники говорили: "Чтоб вперед к нам из Москвы и с Дону никого не присылали и людей понапрасно не теряли; нам здесь жить хорошо и повольно, шевкал веры у нас не отнимает, живем, как хотим, веру держим, как кто знает, нужды нам никакой нет, идти нам назад в дома за каким добром? Знаем, что нам будет!"

Чрез несколько времени приехали к шевкалу от раскольников четыре человека, долго сидели у шевкала, а потом виделись и с Басовым; тот их всячески увещевал, царскою милостию обнадеживал и давал им государскую грамоту; но раскольники грамоты не приняли и говорили: "Ваши цари солгали голове нашему шевкалу в жалованье, обещанного не прислали, а нам и подавно солгут; а хотя и ратных людей на нас пошлют, то нам весть будет из Астрахани от иноземцев тотчас, и по ведомости пойдём мы к хану в Большую Кабарду; а там нам никто ничего не сделает". Басов узнал наверное, что шевкал раскольников не выдаст, потому что с

ними вместе ворует, посылает людей своих с ними на море грабить и половину добычи берет себе.

В начале 1693 года атаман козаков-раскольников Семен Саратовец с семьей товарищами явился к крымскому хану с жалобой на кумыков, ханских подданных, которые осенью напали на козаков и взяли в плен 250 человек жен и детей, кроме того, отбили всю добычу, которую взяли раскольники, разбивши два персидские судна. Козаки просили управы у хана, просили также указать место, где бы им поселиться на Куме-реке особо, а между кумыками и черкесами жить больше не хотят. В думе у хана было приговорено исполнить все просьбы козаков, причем хан обещал дать им две пушки с припасами. В это время в Крыму жил русский гонец Айтемиров; толмач его при встрече с Саратовцем спросил его: "Для чего вы милость государскую к себе забыли и, оставя христианство, какого добра у бусурман себе ищите?" Саратовец отвечал: "А как нам на Дону жить? Старую веру ныне выводят, а держат новую, и крестное сложение не так, как прежде бывало, и для той новой веры с Дону у нас к Москве забрали людей добрых и заслуженных. Кирея Матвеева с товарищи, и показнили неведомо за что, и нам на Дону поэтому жить нельзя. Увидим мы и здешнюю татарскую правду, как они нам все отдадут; а если татары ничего доброго нам не сделают, то мы знаем дорогу и на Дон по-прежнему и надеемся, что великие государи принять нас туда укажут".

Как видно, раскольники были удовлетворены, потому что в июне 1693 года черноморский воевода доносил астраханскому, что 6 июня прибежали неизвестно сверху из стана воровские воинские люди, человек сот с пятью и более, и к городу приступали, и с теми воровскими воинскими людьми бой был долгое время; а знатно с теми ворами были раскольщичики-козаки. Астраханский воевода отвечал черноморскому: писал с Дону атаман Фрол Минаев, что вышли к ним в войско из-за Кубани два полоняника и сказали: воровские козаки-раскольщичики, которые живут за Кубанью, собираются идти, соединясь с крымскими и едисанскими мурзами, большим собранием, для воровства, под царицынскую заставу к Волге-реке, на рыбные ватаги и к Черному яру.

С севера также неутешительные вести: в марте 1690 года в Устюжском уезде, в Черевковской волости, сожглось более сотни раскольников, мужчин, женщин и младенцев. 21 июля 1693 года пришли силою в Пудожский погост раскольники, неизвестные люди и жители того же погоста, вошли в церковь, били всполох в церковные колокола, церковь у попов отняли и засели, самих попов били, дома их разграбили и разорили, а по смете раскольников было ста два и больше, между ними монахи и много дьячков, один назывался Василием Емельяновым, которого другие называли учителем. Раскольщичики влезли на церковные главы и кресты на них и внутри церкви иконы водою обмывали; при этом три женщины были будто вне ума, а как образумились, говорили, что в церквях надобно действовать Василью Емельянову с советниками, а попам отказать. По

царскому указу олонецкие воеводы послали на раскольников сотника стрелецкого и подьячего. Посланные, узнав, что раскольники засели в деревне Строкиной в четырех избах, отправились с понятыми людьми их уговаривать, чтоб принесли покаяние; но раскольники в ответ говорили всякие богомерзкие слова, на церковь и на четвероконечный крест великую хулу износили; стрельцы обступили около дворов и хотели перехватать раскольников живыми, но те начали отстреливаться; стрельцы стали просекать стены, тогда раскольники зажгли избы и сгорели все без остатка. В Олонецких местах образовался знаменитый Выговский монастырь, о начале которого рассказывал крестьянин Терентий Артемьев из Шуйского погоста Мунозерской волости: "Приходил в нашу деревню Ек-наволок к сестре своей в гости той же волости крестьянин Митрошка Терентьев и, призвавши меня, начал подговаривать в раскол на леса за Онежское озеро. Я его послушал и с ним в раскол пошел; да с нами же шли прежние его, Митрошкины, товарищи, и пришли мы, пять человек, в Шуйский погост в вотчину Тихвина монастыря к празднику, к Благовещеньеву дню, и жили в деревне на Хошозере две недели для распутного времени. Жили мы у Митрошкиных советников, и приходили к Митрошке на совет для раскола крестьяне Шуйского погоста, советовались, чтоб в раскол на леса ходить. Проживши здесь две недели, прошли мы по льду чрез Онежское озеро на лыжах на берег в пристанище судовное и пошли на леса к востоку, а дорога учинена пешеходная, верхом на лошади для болот, дрябей и лесов проехать с нуждою можно. У Белого озера у Митрошки построена келья, где с Митрошкою живут раскольники, человек с десять из разных мест. От Митрошкиной кельи до Верхнего Выга-реки дикими лесами болотами и дряблями пешею дорогою 15 верст, а на лошадях проехать нельзя. Подле той реки построено келей с десять, живут в них начальник раскольнический, беглый соловецкий чернец Корнышка (Корнилий) с товарищами и советниками своими; ростом он, чернец, невелик, седат и стар; в сборе у него раскольников из разных городов и мест, мужского пола, женок, девок и старин человек со сто. Кельи стоят подле Выга-реки врознь, между иными кельями расстояния полверсты и больше; да на реке против тех келей построена мельница; ружья никакого мелкого и припасов в тех кельях нет, а только у них построены малые хороминки на столбах и в них держат хлеб, а пашут они без лошадей и землю размягчают железными кокотами. При мне приходили к чернецу из иных келей на исповедь, и он их исповедовал и причащал, а как он причастье строил, я видел: взяв ягоды брусники и муку белую ржаную или пшеничную, смешав вместе, и тем их причащал. Будучи в тех пристанищах на лесах, слышал я, что есть раскольническое пристанище на той же реке Выгу выше, начальник в нем бывший церковный дьячок Данило Никулин, и с ним в сборе многое число и беспрестанно множатся; келья у Данилы великая, и в ней устроены окна, откуда от присыльных людей обороняться, три пушки медные привезены от моря, пищалей, бердышей и пороху много, покупают оружия, выезжая по ярмаркам, хлеб пашут на лошадях, рыбу ловят на диких озерах".

Кроме раскольников у церкви были другие враги, которые не бежали ни в леса, ни в степи, но открыто в столице объявляли свои взгляды, не подвергаясь, впрочем, за них ни заточению, ни сожжению. От описываемого времени дошла до нас любопытная проповедь, говоренная патриархом в день св. Алексия митрополита перед одним из походов на турок. Вооружаясь против старого порока - пьянства, проповедник вооружается и против новых грехов: "Не только прочие в году узаконенные посты, но и великую четырехдесятницу многие презирают. Мужчины, женщины, юные отроки и священного чина люди всегда упиваются; и вином, и табаком, и всяким питием без сытости пьяны, и съедают не только запрещенные яствы, но рвением и завистию друг друга съедают. убивают и грабят, неправдосудствуют и обижают. Общая пословица носится: все то людям изьян, отчего кто пьян. Мера во всем человека в доброе дело будит, безмерно же не токмо вредный и скаредный табак, но и ренское вино губит. Теперь и благородные и простые, даже юноши, хвастаются пьянством, говоря бесстыдно друг другу: тогда-то и тогда я был пьян и церковное торжество в праздники господни проспал. Не только по пьяным и ночным своим праздникам, но повсюду люди не ученые, в церкви святой наших благопреданных чинодейств не знающие в других о том не спрашивающие, мнятся быть мудрыми, но от пипок табацких и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков обьюродели. Совратясь от стезей отцов своих, говоря: для чего это в церкви так делается, нет никакой в этом пользы, человек это выдумал. и без этого можно жить. Едва только святым книгам узнает имя или склад словесный, и уже учит архиереев и священников, монастыри правит, людям всем тщится повелевать, устроить чины церковные и гражданские. Еретики и раздорники говорят: на что эти посвящения, памяти но усопших душах, молебны богу, богородице, угодникам божиим?"

Призванные на защиту церкви ученые старцы Иоанникий и Софроний Лихуды преподавали в Заиконоспасском монастыре риторику на греческом и латинском языках и логику по системе Аристотеля. Но эти занятия были прерваны соблазнительным происшествием. У старца Иоанникия был сын Николай, который носил в Москве княжеский титул, хотя более был известен под именем учителя сына. Этот Николай завел связь с дочерью задворного конюха Марьею Селифонтовою; он ее увез, одел в мужское платье, привез в школы, запер в чулане. Потом нанял ей квартиру, где держал под надзором своего холопа и жены его. Наконец стал ей говорить, что, одевши ее в мужское платье и убравши в накладные волосы, будет водить ее в школы, учить по-гречески, под именем своего племянника. Это предложение пришлось не по нраву Марье Селифонтовой; особенно не понравилось ей, когда Николай объявил, что увезет ее в Венецию или выдаст замуж за одного своего родственника, и в случае сопротивления грозил смертью. Марье удалось склонить на свою сторону караулившего ее холопа, чрез которого она дала знать обо всем отцу своему. Отец поспешил к ней на помощь и "вынул ее с стрельцами", хотя прежде смотрел благосклонно на поведение дочери. Когда Марья рассказала все в Разряде,

то отсюда послали в школы взять Николая Лихудия и привести его для допросу. На Никольскую отправились разрядные подьячие и стрельцы. Подьячие поставили стрельцов у ворот, а сами пошли для повестки к учителям; взявши Николая, они вели его по верхним переходам, как вдруг из школы выбежали старцы и ученики, схватили подьячего, начали его бить и за волосы таскать; подьячий кликнул стрельцов, чтоб не подали, но и стрельцы на этот раз не могли ничего сделать: монах с учениками гонялся за ними, бросал скамьею, кричал: "Что вы приходите воровски!" Наконец подьячих и стрельцов согнали с переходов и ворота заперли. Такое поведение стариков Лихудов, разумеется, не могло заставить правительство благосклонно смотреть на князя Николая, хотя он и клялся, что не имел намерения уехать в Венецию, будучи благодетельствован царями, что девка Манка - особа, известная своим безнравственным поведением, и верить ей нечего. Лихудам, как видно, не понравилось после этого в Москве, и в августе 1694 года пограничным воеводам были разосланы указы - ловить греческих монахов, братьев Иоанникия и Софрония, и детей последнего, Николая и Анастасия, ушедших из Москвы. Беглецы были пойманы, и понятно, что не могли остаться в прежнем значении: их сослали из академии в типографию, где они стали учить италиянскому языку.

От 1694 года дошла до нас роспись боярских и иных чинов детям, которым по именному указу учиться италиянскому языку у учителей-греков - Иоанникия и Софрония Лихудиевых. Боярские дети: князя Петра Ив. Хованского два сына, Федора Петр. Салтыкова два, Алексея Петр. Салтыкова два, Ив. Фед. Волынского два. Дети стольников: князя Фед. Андр. Хилкова два сына, князя Ив. Мих. Черкасского шесть сыновей, Сем. Алексеев. Языкова один. Дьячьи дети: Волкова один сын, Кондратова один, Степанова один, Иванова два, Верещагина два, Полянского один, генерального писаря Инехова один. Из дворян: Палицына один; уставщика один. Гостей и гостиной сотни 23 человека.

Новости, начавшие вводиться в описываемое время, корабли, фейерверки, возбуждая умственное движение в одних, распаляли воображение в других и повели к следующему явлению. В апреле 1694 года закричал мужик "караул" и сказал за собою государево слово, приведен в Стрелецкий приказ и в расспросе сказал: сделал он крылья, станет летать, как журавль. По указу в. государей сделал он себе крылья слюдяные, стали 18 рублей из государевой казны. В назначенный день боярин князь Ив. Бор. Троекуров вышел смотреть, как полетит журавль; мужик надел крылья, перекрестился и начал подымать мехи, но никак не мог подняться. "Тяжелы сделал крылья", - говорил он, бил челом, чтоб ему сделать другие крылья, станут всего в пять рублей. Но боярин раскручинился, и вместо крыльев учинено мужику наказание: бить батоги, сняв рубашку, и деньги 18 рублей велено доправить на нем, продать все имение.

Внешняя деятельность правительства в описанные четыре года по свержении Софьи представляла не много замечательного. Заведование иностранными делами после В. В. Голицына принял на себя Лев Кириллович Нарышкин. Он отличался важным в его положении качеством - спокойным беспристрастием; но вовсе не отличался предприимчивостью; притом же неудачные походы в Крым и холодность, даже враждебное расположение союзников-поляков не могли дать больше охоты к деятельному продолжению войны. А между тем в Малороссии и в русских областях, находившихся под польским владычеством, происходили любопытные явления.

10 августа 1689 года, когда Москва, вследствие удаления царя Петра, была в недоумении и страхе, подъезжал к столице, к Калужским воротам, гетман обеих сторон Днепра Иван Степанович Мазепа. По указу великих государей и великой государыни к нему навстречу отправился дьяк Бобинин с каретою из царской конюшни. Мазепа, севши в карету, сказал: "Слава господу богу, что, по милости великих государей, благоволил господь бог быть в их царского величества карете. Какая это карета? Видно, что стародавнего немецкого дела". - "В этой карете всегда въезжают великие и полномочные послы иностранных государей", - отвечал дьяк. Потом гетман завел речь о крымском походе, о победе великороссийских и малороссийских войск над татарами: "Никогда еще такой победы над крымцами и такого страха им не бывало, как теперь промыслом ближнего боярина князя Вас. Вас. Голицына. А что за безводными и бескормными местами и за другими препятствиями перекопского вала и башен не разорено, так сделать это было трудно. Читал он, гетман, хронику, в которой написано именно: в древних летах приходил на Крым Дарий, царь персидский, со множеством войска и хотел Крым взять и разорить, а в то время Крым еще и не так был укреплен: и за такими же безводными и бескормными местами и иными трудностями Перекопи взять и Крыму разорить не мог, только войска своего под Крымом потерял с 80000, и с великим стыдом насилу от Перекопи отступил и впредь обещание положил - на Крым войною отнюдь не приходить. А ныне царского величества ратные люди бились с татарами под Перекопом мужественно и поганских трупов положили множество, а сами отведены в целости".

На встрече во дворце Ивану Степановичу говорили длинную речь, что мужественною и храброю службою князя Вас. Вас. Голицына и его, гетмана, бусурманы нечаянно и никогда неслыханно от государских ратей в жилищах своих поражены и от страха сами своим жилищам явились разорители.

Дела пошли плохо для Софьи и Голицына, Шакловитый был выдан, все стремились к победителям к Троице, поехал туда и гетман в большом страхе за свои прежние отношения к падшему правительству. Действительно, у Троицы были люди, которые советовали отделаться от голицынского клиента; но другие думали иначе: до сих пор гетманы

сменялись только вследствие явной измены или желания самих малороссиян. А если не сменят гетмана, то надобно привлечь его на свою сторону милостями, и вот Мазепа был встречен и у Троицы также похвальною речью за верную и радетельную службу и за усердное в воинском деле попечение. Гетман, жалуясь на болезнь, отвечал короткою речью, что обещается служить великому государю до последней капли крови. Мазепа, видя милостивый прием, спешил рассеять всякое подозрение в новом правительстве полным разрывом со старым: доносил, что угрозы Леонтия Неплюева заставили его давать Голицыну богатые подарки деньгами и вещами, и потому бил челом, чтоб его вознаградили за это из имени Голицына. Челобитье было принято как знак полной приверженности к новому правительству, и все просьбы Мазепы были исполнены. Он приезжал в Москву за жалованною грамотою, подтверждавшею все прежние права и вольности малороссийские; грамота была дана. Мазепа также бил челом о прибавке великороссийских ратных людей в малороссийские города; о точной переписи козаков, чтоб после, смотря по обстоятельствам, нельзя было никому сказываться то козаком, то мужиком; о пополнении охочих полков; о том, чтоб великороссийские посланцы не смели требовать подвод без предъявления царских грамот: на все последовало согласие. Гетман поставил на вид, что необходимо ограничить винокурение, которое страшно истребляет леса, вследствие чего большинство жителей терпит и еще более будет терпеть вреда, тогда как очень немногие обогащаются; государи указали гетману сделать по своему рассмотрению, остерегая, однако, накрепко, чтоб посполитым людям не было никакой тягости и разорения, потому что малороссияне пожалованы прежними их правами и вольностями. Мазепа обещал посоветоваться об этом со старшиною. Следовали частные дела: гетман жаловался на бывшего переяславского полковника Дмитрия Райчу, который постоянно бранит его заочно и бесчестит при старшине и полковниках; Мазепа объявил, что он будет жаловаться на Райчу на рождественском съезде старшине и полковникам. Наконец, Мазепа выхлопотал царский указ, которым велено было стольнику князю Юрию Четвертинскому выехать из Москвы в Малороссию. Четвертинский, приехав в Малороссию, женился на дочери Самойловича и жил, по приказанию Мазепы, в Глуховском уезде, в хуторе Дунаевском вместе с тещею.

Таким образом, падение Софьи и Голицына не нарушило добрых отношений гетмана к правительству русскому. Враги Мазепы сильно обманулись, но еще не думали отказываться от надежды повредить гетману в Москве. Польша была готовым к тому орудием. К русскому резиденту в Польше стольнику Волкову 16 декабря 1689 года пришел по знакомству шляхтич благочестивой веры Подольский, который при короле исправлял должность *покоевого* (комнатного) дворянина. На этот раз Подольский принес важные вести. Недели с три тому назад приехал к королю из России через Смоленск монах Соломон, который был с образом Спаса в крымском походе. Соломон привез к королю письмо от гетмана Мазепы, написанное

еще в то время, как гетман пошел от Перекопи в Батурин. О чем писано в письме, Подольский сказал, что не знает, только подпись не гетманской руки, а печать гетманская большая. Король велел монаху жить близ Жолквы в монастыре, и не знает, как отвечать на это письмо, ибо ему известно, что цари к гетману и ко всей старшине благоволят. Волков отвечал, что Мазепа служит царям верно, и письмо должно быть составное, воровское, а не гетманское, составлено для того, чтоб навести на гетмана царскую немилость: подлог ясен из того, что подпись не гетманской руки, а печать могли подделать; король таким письмам верить бы не изволил и приказал бы чернеца отослать, в Россию. Шляхтич заметил, что выдать монаха нельзя, потому что ему и тем людям, которые писали письмо, придется плохо. В то же время Волков узнал, что приехали к королю из Запорожья полковники Лазука и Забияка с письмами от кошевого Гусака. Запорожцы жаловались, что с царской стороны им большое утеснение; запасов в Сечь не пропускают, за добычею ездить вниз Днепром нельзя, опасно от татар. Для этого они с ханом крымским помирились и бьют челом королю, чтоб принял их под оборону и прислал указ, как им с русской стороны быть безопасными и держать ли мир с крымским ханом или воевать с ним? Тот же шляхтич Подольский говорил Волкову, что король запорожцев в подданство не примет, разве прикажет им что тайно. Достоверно, что король имеет дружбу с Крымом и будет рад всякой смуте между козаками городскими и запорожскими, потому что нынешний вечный мир королю не прибылен и не потребен, королю жаль городов и земель, уступленных царям. Подольский объявил также, что король послал на Украину шляхтича Искрицкого неизвестно зачем, а дочь Искрицкого за миргородским полковником Апостоленком.

Волков при первом свидании с коронным гетманом Яблоновским спросил у него, что значит этот приезд запорожцев к королю? Яблоновский отвечал, что король никогда не нарушит мирного договора, не примет Запорожья в свое подданство; запорожцы приехали для вступления в службу королевскую под тем предлогом, что на Запорожье большой голод вследствие непропуска туда запасов из России; но вступление нескольких запорожцев в службу королевскую договора не нарушает.

24 декабря опять пришел к Волкову Подольский с вестями: 22 числа король отпустил монаха Соломона на Украину, письма никакого с ним не послал, а велел на словах привлекать гетмана к себе, обнадеживать его своею милостию и жалованьем. Подольский подтвердил и о запорожцах, что они действительно просят в оборону королевскую; король призывал к себе Лазуку и Забияку, после чего при дворе разгласилось, что король хочет принять всех запорожцев в оборону тайными вымыслами; король старается всякими мерами, чтоб и городских козаков помутить и к себе привести.

В начале 1690 года новые вести о неприязни польской. Лубенский козак Мозыра ездил по своим делам в Польшу и, возвратясь в Батурин,

рассказывал о своем разговоре с гетманом Яблоновским. Гетман, расспросив его, что делается на Украине, примолвил: "Мы знаем наверное, что взят в Москву и с старшиною гетман Мазепа и также сослан в Сибирь, где и старый Самойленко; видишь хитрость и лживость московскую: не хотят они распространять вольность Войска Запорожского, хотят его ни на что свести, чего не дай боже. Москва и нас обманула: однако мы промышляем отплатить ей таким же способом".

В марте месяце монах Соломон возвратился из Украины в Польшу и, не доезжая полмили до Варшавы, в селе Солке нанял студента писать письма от имени гетмана Мазепы: одно к королю, другое к гетману Яблоновскому; в обоих письмах говорилось, что он, Мазепа, со всем Войском Запорожским желает быть в подданстве у королевского величества; за работу студенту монах дал два ефимка, имя гетманское написал сам и запечатал поддельною печатью. Монах остался в Солке, а студент отправился в Варшаву, где, пьянствуя с товарищами в корчме, он расхвастался, каким способом заработал ефимки, и в доказательство прочел черновые письма, оставшиеся при нем. Донесли королю, тот призвал к себе студента, и студент рассказал ему дело, как было. Чрез несколько времени приезжает в Варшаву и сам Соломон, прямо к королю, и подает письма от гетмана Мазепы; но тут сейчас же очная ставка со студентом, который подает и черновые письма для окончательной улики. Соломон должен был повиниться, повинился, что и прежде приезжал также с воровскими письмами, а у гетмана Мазепы никогда не бывал. Король велел его посадить в нижние палаты дворца Яна Казимира и держать за крепким караулом; а студенту велел выдать два сукна и несколько ефимков. Все это Волков проведаль от верных людей, от православных священников, которые знакомы с ближними королевскими людьми.

Этим, однако, дело не могло кончиться, потому что король, когда в первый раз получил гетманское письмо от Соломона и отослал последнего с устным ответом к Мазепе, в то же время поручил львовскому епископу Иосифу Шумлянскому войти в сношения с гетманом. Шумлянский охотно принял поручение, потому что в отпадении Мазепы от Москвы увидал средство достигнуть заветной цели - киевской митрополии. Он немедленно же отправил к Мазепе доверенного человека шляхтича Доморацкого с таким письмом: "Молю вашу милость поскорее объявить, в какие отношения желает вступить к королю и республике; теперь, во время сейма, самое удобное для тебя время отозваться со своим желательством к королевскому величеству чрез меня, желательного тебе, республике и королю слугу. Желаем одного: отпусти как можно скорее вручителя этого письма, объявивши ему, что хочешь сделать для короля и республики. В божие время работайте и промышляй те, как бы снять то иго с вольной шеи своего народа. Когда уверимся в приязни вашей милости, сейчас же начнем работать насчет обеспечения, какое должны будут дать вашей милости король и республика". Изустно Доморацкий объявил, чтоб гетман поскорее отзывался со своим желательством на сейм, который будут нарочно тянуть

до того времени, пока получают этот отзыв, и ему, Доморацкому, велено как можно спешить, чтоб непременно возвратиться к Светлому воскресенью по новому календарю. Двум полковникам, стоящим недалеко от границ малороссийских, дано приказание быть наготове и по первой обсылке гетмана спешить безо всякой отговорки в Малороссию. Если бы теперь гетман вскоре отозвался с желательною склонностию к польской державе, то епископ Шумлянский, одевшись в мирское купеческое платье, сам приехал бы тайно в Батури, чтоб именем королевским переговорить обо всем из уст в уста: о вольностях и правах войсковых и чести гетманской, как все это должно быть на будущее время.

Мазепа стоял с войском в Лубнах, когда получил это страшное посольство: он велел отдать Доморацкого под караул, подвергнуть его пытке, а письмо Шумлянского отправил немедленно в Москву, куда вслед за тем прислан был и Доморацкий, который был поставлен пред польским резидентом Домиником Довмонтом и повторил пред ним, от кого и зачем был прислан к Мазепе. Резиденту дано было выразуметь, какая с королевской стороны явная противность: как теперь после этого поступать, чему верить, где обнадеживание и обязательство союзное и правда?

Между тем в марте 1690 года в Киеве подкинута было письмо на имя царей, в котором говорилось: "Мы все, в благочестии живущие в сторонах польских, благочестивым монархам доносим и остерегаем, дабы наше прибежище и оборона не была разорена от злого и прелестного Мазепы, который прежде людей наших подольских, русских (галицких) и волынских бусурманам продавал, из церквей туркам серебро продавал вместе с образами; после, отдавши господина своего в вечное бесславие, имение его забрал и сестре своей в наших краях имения покупил и покупает; наконец, подговоривши Голицына, приехал в Москву, чтоб вас, благочестивого царя Петра Алексеевича, не только с престола, но и со света изгнать, а брата твоего Иоанна Алексеевича покинуть в забвении. Другие осуждены, а Мазепу, источник и начаток вашей царской пагубы, до сих пор вы держите на таком месте, на котором если первого своего намерения не исполнит, то отдаст Малороссию в польскую сторону. Одни погублены, другие порассыланы, а ему дали поноровку, и он ждет, как бы свой злой умысел втайне совершить. И Шумлянский наш униат, а на деле римлянин, поддается московскому патриарху нарочно, чтоб там, вместе с Мазепою, мог удобнее ковать пагубу престолу вашему царскому".

Киевский воевода князь Михайла Ромодановский переслал письмо в Москву, откуда немедленно отправился в Батури подьячий Михайлов, который должен был отдать письмо гетману, уверить его в милости царской и спросить: "Как он, гетман Иван Степанович, рассуждает, в польской ли стороне это письмо писано и какое он в Польше имеет подозрение? Или подозревает он кого-нибудь из великороссийских и малороссийских жителей? не из Запорожья ли? Написаны такие дела, о

которых в Польше и Литве, кажется, и знать нельзя. Подумал бы гетман, как об этом письме розыскать?"

Приняв письмо у посланного, Мазепа пять раз поклонился до земли, благодаря за милость царскую; потом прочел письмо, осмотрел его со всех сторон, взглянул на образ богородицы, прослезился и сказал, воздев руки к образу: "Ты, пресвятая богородица, надежда моя, зришь на убогую и грешную мою душу, как денно, так и ночью непрестанно имею попечение, чтоб помазанникам Божиим до кончины живота своего услужить, за их государское здравие кровь свою излить; а враги мои не спят, ищут, чем бы могли меня погубить".

Насчет составителя письма гетман писал государям: "Не могу я вполне малым моим умом понять, от кого бы именно произошло это лукавое, плевелное и злоумышленное письмо. Подозреваю я Михайлу Гадяцкого, который недавно еще обнаружил ко мне неприязнь, старался навести на меня гнев царский и домогался сам быть гетманом и при бывшем гетмане пасквиль на меня подкинул, будто я отравил гетманского сына Семена и дочь его, боярыню Шереметеву, а на самого гетмана напустил болезнь глазную, да и в Москве живучи, писал на меня пасквили. Неисцелимую он имеет болезнь рассылать всюду письма - и на Запорожье, и на Дон, и в Белую церковь, и в Крым. От полковничества Гадяцкого он отставлен, но ревность к исканию славы и чести никогда в нем не угаснет. Покорно прошу перевести его из села, в котором он живет в Лебединском уезде в близости к Малой России, на другое какое-нибудь место. Да и то смею покорно донести: кто это письмо писал, тот должен знать и о чернце Соломоне, которого какой-то враг мой отправил в Польшу с воровскими письмами будто от моего имени, потому что в нынешнем воровском письме написано, будто Шумлянский во всем со мною соглашается; к этому Шумлянскому и Соломон в Польше имел прибежище: если б этот враг не надеялся что по наущению Соломона Шумлянский будет ко мне писать, то для чего ему в своем пасквиле поминать о Шумлянском?"

В разговоре с Михайловым Мазепа сказал, что вместе с Гадяцким он подозревает Райчу и Полуботка; в письме есть выражение "Для милосердия божия", это выражение употребляет всегда Райча в письмах, а Полуботок Гадяцкому свой и с Райчею друзья "Неприятности мне большие еще оттого, - прибавил Мазепа, - что живет в Малороссии сын митрополичий, зять Самойловича князь Юрий Четвертинский, беспрестанно рассеивает он в народе злые слова, что быть Самойловичу опять гетманом; недавно батуриному попу Василью говорил, что, где прежде была вода, там и опять будет; к тестю моему царская милость есть, будет здесь по-прежнему, увидишь, что его злодеям будет!" Мазепа просил, чтоб перевести Четвертинского с женою в Москву, а тещу его отослать к мужу; князь Юрий - стольник, и в этом чине ему далеко от Москвы быть не годится. Когда на прощание Михайлов потребовал у Мазепы назад подметное письмо для хранения в Посольском приказе, то гетман

переменился в лице и, выслав всех вон из хоромины, сказал: "Сперва я милостию царскою был обрадован, а теперь во сто раз больше опечален: думаю, что этому письму великие государи изволили поверить и о голове моей будут мыслить". Тщетно Михайлов уверял гетмана в противном, говорил, что письмо нужно в Москве для розыска о злодее, кто его сложил, - Мазепа никак не согласился отдать письмо и при этом сказал писарю Кочубею: "Еще мне за сердце щепка влезла: просят письмо назад".

Просьба Мазепы была исполнена: Михайлу Гадяцкого велено взять из Лебединского уезда в Москву; туда же велено выслать князя Юрия Четвертинского с женою и тещею; Леонтия Полуботка отставить от переяславского полковничества.

Но Мазепа этим не удовольствовался относительно Гадяцкого и Полуботка; он писал царям, что после смены Полуботка новый полтавский полковник Лысенко и более ста полтавских жителей били челом на Полуботка во многих обидах, разорениях и ругательствах и что необходимо казнить его за это смертью, иначе народ малороссийский вознегодует на гетмана, старшину и полковников, что таким мучителям потакают. Полуботок, послышав беду, бросился в Москву, но отсюда его снова переслали в Малороссию для суда по войсковому праву. Мазепа дал знать в Москву, что Полуботок, будучи в Киеве, клеветал на него тамошнему воеводе князю Михайле Ромодановскому, что он, Мазепа, хочет изменить, уехать в Польшу, куда посылает войсковую казну, покупает себе имения и переписывается с коронным гетманом. Воеводе сейчас запрос из Москвы, правда ли это? Ромодановский отвечал, что ничего этого Полуботок ему не говорил, говорил только, что Мазепа к нему не добр, ищет ему всякого разорения, и нынешняя беда стала ему от гетмана, а сам-то он хорош! посылает в Польшу к сестре своей чрез монахиню Липлицкую, которая живет у матери его в Киевском девичьем монастыре, много денег и покупал там сестре своей имения, и вообще Полуботок бранил Мазепу всячески. Когда сказка Ромодановского была отправлена к Мазепе, тот отвечал, что он "по своему простодушному незлобию" уже отпустил Полуботка в дом его в Чернигов на житье, причем Полуботок прислал ему письмо со страшными клятвами, что никогда ничего не говорил такого, о чем писал Ромодановский.

Выпроваживая из Малороссии Гадяцкого, Четвертинского, Мазепа в то же самое время хлопотал о переводе в русское подданство человека, который потом оказался злым врагом его и которого имя в народных преданиях тесно соединилось с его именем. Козак Семен Палей, родом из Борзны, вышел сначала на Запорожье, а оттуда с несколькими товарищами вступил в службу королевскую, прибрал себе выходцев из Молдавии и Поднестровья и засел с ними в городе Хвастове. Еще в 1688-1689 годах присылал он к Мазепе с просьбою, чтоб великие государи приняли его со всеми войсковыми и жилыми хвастовскими людьми под свою державу, потому что поляки ищут его смерти. На донесение об этом гетмана из

Москвы отвечали, что вследствие договора с Польшею явно нельзя принять Палея, но пусть он со всеми людьми идет сначала в Запорожскую Сечь и, побывши там несколько времени, пусть переходит в малороссийские города. Проведали ли поляки о желании Палея перейти на русскую сторону или по каким другим причинам, только они схватили его и посадили в тюрьму в Немирове а потом перевели в Каменный городок и держали целую зиму Пользуясь этим, в Хвастов явились двое ксендзов-униатов и объявили намерение обратить православную церковь, построенную Палеем, в униатскую; но козаки, несмотря на отсутствие полковника, отстояли свою церковь. Весною Палей успел уйти из заключения, пришел в Хвастов и прежде всего начал высылать вон из города ксендзов; те не послушались, твердили, что надобно обратить церковь в униатскую, и стали браниться с Палеем, тот рассердился и, поговоря с козаками, велел отрубить головы ксендзам. После этого Палей, разумеется, еще усерднее начал просить Мазепу о переводе своем в русское подданство, указывая на запустелый город Триполье в царской стороне, куда бы ему хотелось переселиться со всеми людьми, а на Запорожье нельзя ему идти, потому что у людей его жены, дети и скот, да и полякам жаловаться не на что, потому что валахи, которых он прибрал, люди вольные. Опираясь на это, Мазепа просил государей позволить Палею перейти в Триполье, где он пригодится для обороны Киева и Малороссии. Из Москвы вторично отвечали (в апреле 1690 года), что нельзя принять Палея без нарушения мирного договора, пусть сначала идет на Запорожье. Палей остался в королевской стороне, но не долго нажил в покое. В 1691 году он ходил промышлять над турками под Белгород (Аккерман); возвращаясь с набега под Поволочью он встретил польский отряд, высланный хелмским каштеляном Яном Друшкевичем схватить его; Палей пошел на неприятелей; но эти неприятели были русские люди; они не захотели, в угоду поляку, сражаться со своими, убили начальствовавшего ими полковника Апостольца и передались Палею. После этого хвастовский полковник, целуя икону, объявил Мазепину посланцу, что он уже никак не хочет оставаться больше в Польской державе, потому что поляки дали ему себя знать; татары уже трижды присылали к нему звать его на свою сторону; но он, кроме царского величества, никуда не мыслит. Мазепа писал ко Льву Кирилловичу Нарышкину, что Палея надобно монаршескою милостию обнадежить и жалованьем потешить, а он человек явственно рыцарский и воинских людей у него три тысячи. Ему отвечали: Палея не принимать; но, чтобы не отпустить его к татарам, царские величества тайным обычаем посылают ему бархату доброго десять аршин, два сорока соболей по 80 рублей сорок.

В России остерегались нарушить договор с Польшею; но в Польше не остерегались заводить смуту в Малороссии, не остерегались и явно сноситься с крымским ханом об отдельном мире. В Вене также мало думали о союзнице России, только в Варшаве австрийский резидент не упускал случая внушать русскому резиденту, что царям нельзя ждать ничего доброго от поляков. Это заставил и русское правительство войти в

сношения с Крымом сначала по средствам Мазепы, который от себя послал сказать хану Саадат-Гирею, что если он хочет мира, то пусть отправляет послов в Москву. Саадат прислал гонца с объявлением, что желает мира на прежних условиях. Но в Москве и начали войну именно для того, чтоб избавиться от этих прежних условий, избавиться от посылки разменной казны, попросту дани. В начале 1692 года в Крым поехал гонец, подьячий Айтемиров, с требованием уничтожения этого условия со стороны Крыма и возвращения св. мест грекам со стороны Турции. Ближние люди нового хана Сафат-Гирея, который сменил Саадата, спросили Айтемирова: "Гроб божий когда и кому отдан? В мирное ли время у Московского государства с Турским или после разрыва?" Айтемиров отвечал, что гроб господень года с два как отдан французским монахам. "Как же, - возразили татары, - отнять у французов за то, что французский король подал помощь султану против цесаря? Взять у французов и отдать грекам, а французы на турок будут воевать: тогда Москва турецкому султану поможет ли? Прежде никогда с московской стороны в договоре о гробе господне не бывало; а теперь начато об этом вновь, неведомо для чего". Айтемиров отвечал, что прежде об этом никогда не говорилось, потому что св. места были исстари за греками.

Но татарам гораздо ближе к сердцу были другие статьи: статья о возвращении пленных с обеих сторон без выкупа и статья об уничтожении присылки разменной казны. "У нас в Крыму, - говорили татары, - московского и козацкого народа сто тысяч человек и больше, а в Москве нашего полону тысячи две или три: как же освободить без выкупа?" Но больше всего вооружились они против статьи о разменной казне: "Для чего великие государи изволили разменную казну отставить? Кто им так придумал? Потому что они государи великие и разумных бояр при себе имеют многих, которые крымские дела знают исстари. Годовую разменную казну отставляют они напрасно, потому что великие государи от этого уж не разорятся, а прежние ханы, также наши деды и отцы, государским жалованьем довольствовались; а нынешний хан чем хуже прежних ханов, и мы чем хуже прежних ближних людей? Мы знаем, что и прежде вся недружба с Москвою ставалась из-за казны: когда, бывало, ее не пришлют, татары и пойдут на Русь воевать. А нынешний хан и весь Крымский юрт Москвы не боятся и к миру и к бою готовы, потому что если Москва и пойдет воевать на Крым, то взять нечего: у каждого татарина только и пожитку - два коня да третья душа. За казну станут юртом и дружбы никогда не будет, потому что вы хотите казну отставить вовсе". Айтемиров подлил масла в огонь, заметив: "Можно с обеих сторон пересылаться поминками". "Прежние ханы к московским государям никогда ничего не посылали, и нынешний хан ничего не пошлет", - отвечали татары.

Переговоры прекратились, потому что татары были обрадованы сильною смутю в Малороссии, откуда приглашали их вместе с козаками воевать Москву.

Первым лицом после гетмана в Малороссии был генеральный писарь Василий Кочубей. Кочубей был сначала канцеляристом у Дорошенка. В 1675 году он был отправлен гетманом в Турцию, но на возвратном пути недалеко от Умани челядник его, покравши визиревы грамоты и другие бумаги, убежал неизвестно куда; Кочубей, боясь возвратиться в Чигирин с пустыми руками, прямо из Умани переехал к Самойловичу и здесь поднялся до звания генерального писаря. В описываемое время канцелярист Петрик, женатый на племяннице Кочубея, ушел на Запорожье, покравши важные бумаги из канцелярии. Первым делом Петрика по приезде в Сечь было разгласить о сношениях Мазепы с Крымом по приказу из Москвы; потом стал разглашать, что Мазепа согласился с Москвою - хотят всю Сечь разорить и козаков порубить. Вследствие этого, когда весною 1691 года приехал в Запорожье стольник Чубаров, привез царское жалованье, 500 червонных, соболи, сукна, то один из куренных атаманов закричал: "Это жалованье не в жалованье! Мы служим долго, а кроме этого ничего не выслужили побольше; такие соболи мы и прежде видали!" Взявши соболи, он бросил их на землю и сказал: "Пришли к нам москали, велят нам с турками воевать, а сами мирятся". Другие козаки кричали: "Если так, то надобно старших, москалей побить или в Чертомлын посадить, остальных же отдать в городки. Соболи присланы только четверым, а надобно прислать нам всем, как донским козакам присылают. Велико жалованье - прислали 500 золотых червонных! Нам надобно присылать по 5000". В Переволочне находился у Мазепы дозорцею преданный ему человек Рутковский, который доносил ему обо всем, что делалось вокруг. 22 февраля 1692 года Рутковский писал гетману: "Захар, сын полтавского протопопа Луки, вместе с полтавским жителем Иваном Герасименком, возвратясь из Перекопи, где покупали лошадей, рассказывали слово в слово разговор свой с казыкерменским писарем Шабаном. "Знаете ли вы, господа полтавцы, - спросил Шабан, - каков человек у вас Кочубей?" Те отвечали: "Не знаем, только слыхали, что писарь генеральный". - "Знаю я, что писарь, - продолжал Шабан, - писарь-то он писарь, да гетманом хочет быть и уже дважды писал в Крым, призывал Орду, чтоб пришла поставить его гетманом. Дело и сделалось бы, да хана не было. Он, Кочубей, и канцеляриста Петрика прислал в Сечь". Тот же Захар клялся и божился Рутковскому, что Петрик говорил ему тайно: "Знаю, что гетман не будет жив от моего пана писаря; писарь хотел, усмотря время, его заколоть, и я жду каждый день о том ведомости". Мазепа передал эти известия в Москву и прибавил от себя, что смотрит зорко за Кочубеем, и если тот действительно что-нибудь замышляет, то отпишет немедленно к государям.

В мае месяце 1692 года замысел Петрика обнаружился. Он вдруг скрылся из Запорожья и очутился у турок в Казыкермени. Отсюда он прислал в Сечь грамоту, которую читали на раде: Петрик благодарил запорожцев за хлеб, за соль и за писарство, которым он у них занимался; просил прощения, что без войскового ведома ушел из Сечи. "Часто многим из вас говорил я, - писал Петрик, - в каком опасении от разных неприятелей

пребывает наш малороссийский край и до какого приходит упадка, благодаря ненавистным владельцам; я говорил, чтоб промыслили об этом усердно; но так как никто не хотел приняться за дело, то я стал за Войско Запорожское и за весь малороссийский народ, для чего вышел в государство Крымское; когда предки наши жили с этим государством в союзе, то никто нам не смеялся, и теперь все вы, добрые молодцы, будете довольны договором, который я заключу с Крымом". Выслушавши грамоту, старшина объявила, что не согласна на соединение с крымцами и на поход под государевы украинные города; но большая половина войска закричала: "А мы с крымцами и Петриком войною на украинные города пойдем". По Украине пошли слухи, что Петрик поднимает орду и хочет искоренить арендаторов, панов и всех богачей. *Своевольники* начали к нему собираться. Рутковский давал знать, что Петрик говорит в Казыкермени: "Стану промышлять и сделаю лучше, чем Хмельницкий; гетман Мазепа прислал за мною, чтоб меня выдали, а я теперь сам к нему поеду".

6 мая Петрик послал на Запорожье грамоту, в которой извещал, что заключил с ханом договор: Войску Запорожскому на Днепр и по всем речкам по обеим сторонам Днепра вольно, безо всяких податей добывать рыбу, зверя и соль; чигиринская сторона, как была завоевана Хмельницким у ляхов, будет под властью Войска Запорожского. "Кто хочет, - писал Петрик, - добывай себе рыбу, соль, зверя, а кто хочет добычи московской, пусть идет с нами, потому что мы скоро с Войском Запорожским и ордами пойдем отбирать у Москвы свою Украину". Рутковский давал знать Мазепе: "Непременно надобно городовое своевольство удержать, чтоб туда не теснились, потому что не только полем, но и рекою начали бежать: по пяти, по шести человек в липе плывут".

Из Запорожья давали знать, что лучшие козаки о Петрушкине воровстве имеют великую печаль, но пьяницы и голытьба говорят между собою: "Пойдем с Петрушкою арендаторов бить!" К счастью, взяли верх лучшие козаки; они были недовольны кошевым Федькою и закричали на раде, чтоб оставил чин, в котором не умеет исправляться; Федька сначала не хотел было оставлять уряда, но когда бросились за поленьями, то оставил, и на его место выкрикнули Гусака, который сказал: "Теперь свет зажжен, а вы меня в этот огонь гоните, чтоб я его гасил: кто то дело начал, тот пусть и кончит"; но, делать нечего, принял должность. Новый кошей, получив увещательную грамоту от Мазепы, отвечал ему: "У Войска Запорожского злого умысла нет и знать об нем не хотим; к такому безумию склонным может быть только тот, кто бога единого в Троице не знает. Правда, и Хмельницкий был в союзе с татарами, но потом поддался пресветлым монархам. Тогда в Посполитой Раде такой приговор был, чтоб никаких досад на Украине не было; а ныне видим, что бедным людям в полках великие утеснения чинятся. Ваша вельможность правду пишет, что при ляхах великие утеснения войсковым вольностям были, за то Богдан Хмельницкий и войну против них поднял, чтоб из подданства мог высвободиться. Тогда мы думали, что во веки веков народ христианский не

будет в подданстве; а теперь видим, что бедным людям хуже, чем было при ляхах, потому что кому и не следует держать подданных, и тот держит, чтоб ему сено или дрова возили, печи топили, конюшни чистили. Правда, если кто по милости войсковой в старшине генеральной обретается, такому можно и подданных иметь, никому не досадно; так и при покойном Хмельницком бывало; а как слышим о таких, у которых и отцы подданных не держали, и они держат и не знают, что с бедными подданными своим делать. Таким людям подданных держать не следует, но пусть как отцы их трудовой хлеб ели, так и они едят".

Мазепа отправил в Сечь козака Горбаченка с подарками кошевому, судье, писарю, есаулу. Гусак взял Горбаченко к себе в чулан и говорил: "Пусть благодетель господин гетман ни в чем не сомневается, потому что я его милости во всем желателен; скажи от меня господину гетману: если не отсечет голов троим тамошним: первому Полуботку, другому Михайле (Гадяцкому?), третьему, что всегда при нем живет (Кочубей?), сам додумается кто, то никогда ему не будет покоя в гетманстве, да и добра не будет на Украине. Чтоб гетман не думал, будто все от нашего Войска Низового бунты начинались или от тех, которые из городов приходили на добычу: в Лубенском полку не хотят аренды и бунтуются, с Петриком хотят идти; гадячане и полтавцы говорят: много гетман старост в городах и по селам поставил, и также бунтуют, Петрика дожидаются". Кошевой просил гетмана приготовить войско тысяч пятнадцать для промысла над Петриком; обещал приманить его в Сечь и схватить; в заключение просил гетмана, чтоб Москва милостивее обходилась с малороссиянами, потому что приезжие из городов жалуются на москалей, которые в городах живут: людей бьют, крадут, насильством отнимают, детей малых крадут и увозят в Москву.

Горбаченко привез договор, заключенный *Петром Ивановичем* (Петриком) с ханом: княжество Киевское и Черниговское со всем Войском Запорожским и народом малороссийским остается удельным при всяких своих вольностях; Крым обязан его защищать от ляхов, от Москвы и от всех неприятелей; чигиринская сторона будет под властью княжества Малороссийского; полки харьковский и рыбинский будут переведены на чигиринскую сторону; чтоб крымцам были отворены муравские шляхи для походов на Москву; добыча московская будет воздаянием крымцам за настоящую их помощь народу малороссийскому; когда княжеству Малороссийскому даст бог полное господство, то оно вольно установить у себя порядок, какой захочет; в Крыму будет резидент малороссийский, в Малороссии крымский.

На Запорожье Петрик опять прислал длинное письмо, уговаривая добрых молодцов соединиться с ханом: "Будучи у вас в Сечи, не раз я говорил вам, в какой опасности обретается наш Малороссийский край и до какого упадка приходит отчизна наша чрез ненавистных монархов, среди которых живем: как львы лютые, пасти свои разинув, хотят нас проглотить, т. е.

учинить своими невольниками. Не дивно, что поступает так король польский, потому что издавна мы были его подданные и, за божию помощь, выбились из подданства и такой ему причинили урон, от которого он и по сие время не может оправиться. Хан крымский за то на нас враждует, что мы ему на поле и на воде чиним беду. Но удивительно, что московские цари, которые не чрез меч нами завладели, перевели наш край Чигиринский на заднепровскую сторону, обсадились нашими людьми со всех сторон, и, откуда бы ни пришел неприятель, наши города и села горят, наших людей в неволю ведут, а Москва за нами как за стеной цела и, всем этим не довольствуясь, старается всех нас сделать своими холопами и невольниками. Для этого первых наших гетманов, Многогрешного и Поповича, которые за нас стояли, забрали совсем в неволю, а потом и нас всех хотели взять в вечное подданство, но бог им не помог: не могли разорить Крым и осадить своими людьми казыкерменские города, а потом прогнать нас из Сечи и учинить по городам воевод. Не могли исполнить этого, позволили нынешнему гетману пораздавать старшине маетности, а старшина, поделившись нашею братьею, позаписывали себе и детям своим в вечность, и только что в плуги не запрягают, а уже как хотят, так и поворачивают, точно невольниками своими. Москва для того нашим старшим это позволила, чтоб наши люди таким тяжким подданством оплошились и в замыслах их им не противились; когда наши люди от таких тяжестей замужичают, то Москва Днепр и Самару осадит своими городами. Король польский, имея досаду на царей московских за то, что не воевали Крыма, хотел с ордами идти на Москву, но прежде отобрать в свое подданство нашу Украину. Если бы это ему удалось, то хорошо ли бы нам было? Сами вы подлинно знаете, что делалось при Чарнецком и при других панах ляцких, которые приходили с войсками на нашу Украину, как они нас мучили. Не бывали ли братья, наши на колах, в прорубях, не принуждены ли были козацкие жены детей своих в вару варить? не поливали ли ляхи людей наших водою на морозе? не сыпали ли огонь за голенища? не отнимали ли солдаты имения? Ляхи этого не забыли и теперь еще готовы то же самое над нами делать. А если бы московские цари заключили мир с крымским ханом, то также взяли бы нас в вечную неволю, как подщипанную птицу. Если бы король польский или цари московские с крымским ханом помирились, то к кому бы нам было приклониться, кто бы нам в такой беде подал помощь? Много я об этом с вами говорил, но так как никто из вас за своих людей стоять не захотел, то я взялся за это дело. Сами, разумные головы, рассудите, лучше ли быть в неволе или на воле? лучше ли быть чужим слугою или себе господином? лучше ли быть у москаля или поляка невольником-мужиком или вольным козаком? Когда Богдан Хмельницкий с Войском Запорожским и ордами из-под ляцкого подданства выбился, то не добро ли нашей Украине делалось? разве не было тогда у козаков золота, серебра, сукон добрых и коней и разной скотины стадами? А когда стали мы холопами русских царей, то запустела наша чигиринская сторона, и перегнали нас на сю сторону Днепра, ни у кого не только имения, и лаптей не стало; большая часть нашей братьи

очутилась в московских городах поневоле, и каждый год берут их там татары в полон. Объявлю вашим милостям и то, что господин гетман по совету всех полковников тайно прислал ко мне человека с таким словом: как только мы к Самаре приблизимся, то они все от Москвы отстанут и, соединясь с ними, пойдут воевать в Москву; этот человек гетманский и теперь при мне находится, и я вам его покажу. Поэтому будьте во всем надежны и безопасны, идите с нами".

В начале июля татары под начальством калги-султана явились у Каменного Затона, Петрик был с ними. Как скоро узнали об этом в Сечи, несколько куренных атаманов и бывший кошевой Григорий Сагайдачный отправились на свидание к калге; Петрик говорил ему, что у него есть письма и от гетмана, только он им их не покажет, разве приедет сам атаман кошевой. Кошевой с куренными атаманами и товариществом в числе 600 человек отправились на свидание. Кошевой стал требовать у Петрика гетманских писем; Петрик отговаривался: "Не надобно требовать от меня писем, верьте словам моим". Но кошевой не отставал: "Покажи письма или присягни, что они у тебя есть". Тогда Петрик объявил прямо, что никаких писем у него нет и никто его на это дело не наговаривал, заключил он за все Войско Запорожское договоры с ханом своим разумом, сжалившись над притесненным малороссийским простым народом. Калга стал требовать, чтоб атаманы присягнули в приязни к Крыму; атаманы согласились; но когда они присягнули, то калга начал требовать, чтоб запорожцы шли с татарами на московские города; кошевой отвечал, что запорожцы разошлись теперь в разные места и на кошу войско ненадежное, нельзя его употребить туда, куда захочешь; кто за вами захочет идти, того мы удерживать не будем, а кто не захочет, того силою не будем высылать. Возвратившись к своему отряду, кошевой начал спрашивать, угодно ли сделать по просьбе калги. Одни отвечали, что не доводится с бусурманами ходить войною на христиан; но другие говорили: "Как вы калге уже присягнули, то можно с ним и на войну идти".

Возвратясь в Сечь, рано утром 28 июля кошевой собрал раду сложил с себя атаманство кошевое, судья, писарь, есаул также сложили свои уряды, говоря, что есть в войске крикуны, которые принуждают их своими криками идти с бусурманами на православных христиан, и мы не хотим, чтоб при нашем старшинстве такое зло на кошу сделалось. Целый день *комышина* (булава) атаманская в раде лежала, а между войском разные голоса происходили одни говорят *добре*, а другие *зле*. На другой день рано опять рада кончилось тем, что знатные товарищи по общему согласию отправились в курень к кошевому и упросили его, чтоб оставался в уряде упросили и всю старшину; кошевой пришел на раду и говорил "Кто хочет за плутом Петриком идти, того я не удерживаю: а кто будет постоянно на кошу сидеть, того высылать не буду". К Петрику пристали тысячи с три козаков.

Мазепа, узнавши об этих событиях, послал в Москву с просьбою о немедленной высылке великороссийских войск на помощь: сам он стоит под Гадячем и дальше один не пойдет, потому что не так боится орды, как внутреннего волнения в Малороссии. Вследствие этого боярин Борис Петрович Шереметев и окольный князь Федор Борятинский получили приказ выступить против неприятеля - первый из Белгорода, второй из Севска. 5 августа приехал в Москву пятисотенный стрелецкий полк, находившегося при гетмане, и рассказывал, что в Малороссии между чернью многие непристойные речи заносятся ко всякой малости, говорят явно: "Когда придет Петрик с Войском Запорожским, то мы пристанем к нему, побьем старшину, арендаторов и сделаем по-прежнему, чтоб все было козачество, а панов бы не было". За которыми козаками гетман посылает свои листы, чтоб шли к нему в обоз, - из тех приходят немногие, а за которыми не посылали, те приходят, своевольники, голутьба, и вмещают в войско своевольные, худые слова Мазепа сильно жаловался, что Шереметев и Борятинский не спешат походом и пожар может разгореться, а ему, гетману, с войском малороссийским против тех неприятелей идти ненадежно, потому что и на внутренние поведения принужден осматриваться. Жители городков орельских Цариченки и Китай-городка уже сдались неприятелям. Гетман, не дожидаясь воеводы, принужден выступить из-под Гадяча к Полтаве.

Но татары с Петриком не стали дожидаться гетмана: Мазепа дал знать в Москву, что в начале августа татары осаждали городок Моячку; но, услышав, что несколько малороссийских полковников по приказу гетмана идут к городу на выручку, бросили осаду и ушли. В Москве очень обрадовались окончанию дела, грозившего такою сильною смутою в Малороссии, и цари послали Мазепе шубу соболью в 800 рублей. Но вслед за тем боярин Борис Петрович Шереметев прислал в Москву письмо с объяснениями, почему он не соединился с гетманом: Мазепа писал ему, чтоб он шел для соединения с ним к Рублевке и был там непременно 5 августа; Шереметев по этому письму пришел в Рублевку 6 августа до полудня, но Мазепа, вместо того чтоб идти к Рублевке же, пошел к полтавским местам по Заворсклью крепкими местами, прислал сказать боярину о своем походе под Полтаву и чтоб шел для соединения с ним, но куда именно - не объявил. Шереметев пошел, однако, к Полтаве, но 8 августа на дороге получил весть от посланных им вперед сумского и ахтырского полковников, что татары, узнав о походе боярина для соединения с гетманом и испугавшись приближения передовых полков, сумского и ахтырского, ударились бежать.

Как бы то ни было, Мазепа получил богатую шубу; а скоро после того кончилось дело о Соломоне. Начиная с 1690 года русский резидент Волков не переставал твердить панам, что король должен выслать вора Соломонка в Москву для розыска и наказать Шумлянского. В октябре 1690 года Соломона привезли в Жолкву к королю и объявили о домогательстве русского правительства; монах бил челом, чтоб его казнили в Польше, а в

царскую сторону не выдавали. Мазепа также со своей стороны хлопотал об отсылке Соломона в Москву: когда Волков был во Львове, подьячий его, Герасимов, встретил на рынке козака, который сказал, что зовут его Александр Ивановский, служит при гетмане Мазепе и приехал от него к коронному гетману Яблоновскому с просьбою выслать Соломона в Смоленск. Ивановский был и в Жолкве, видел там Соломона, сидит нескованный; в одно время с ним приходили к Соломону епископы львовский и перемышльский и говорили ему: "Пора тебе повиниться и сказать правду". Монах говорил им прежние речи, а какие - о том козак не сказал подьячему. Волков обратился к гетману Яблоновскому с требованием выдачи Соломона; Яблоновский отвечал: "Король велит выдать монаха; а мне известно подлинно, что Соломон приносил письма составные воровские, а не подлинные; я знаю письмо гетмана Ивана Степановича Мазепы и подпись руки, и разум письменного слога; а в Соломоновых письмах и рука не гетманская, и разум не его".

После этого Волков узнал, что из Польши на Украину ходит еще один монах, Иракий Русинович, и переносит вести королю. Передают ему эти вести двое слуг гетмана Мазепы, которые вышли из Польши и поженились на русских девицах, оставшись католиками; оба они знали о воровстве Соломона и помогали ему в подделке печати, Мазепа же сам ничего не знает, узнать ему не от кого.

Для объяснения по делу Соломона в августе 1691 года приехал в Москву польский посланник Ян Окраса и объявил бывшему с ним в *ответе* окольному Чаадаеву: "Королевское величество с их царским величеством всегда желает быть в непрременной братской дружбе и любви и никаким ссорам верить не изволяет; а в прошлом году объявился у нас в Польше чернец Соломон с воровскими составными письмами и с поддельными печатями и подал королевскому величеству от имени заднепровского гетмана лист. Король, видя, что письма составные и печати поддельные, приказал чернеца держать за крепким караулом, и теперь этот чернец прислан в Могилев и отдан межевым судьям; а воровские письма и две поддельные печати изволил королевское величество для братской дружбы и любви прислать к их царскому величеству со мною". Окраса передал при этом три письма и две печати. Приведем для примера одно письмо. Мазепа пишет к королю: "Наияснейший король и государь наш милостивый, монарше непобедимый! К вашей государской милости в третий раз пишем, как отцу своему и монарху великому. Знато, что ваша государская милость не изволяет нас, слуг своих, под свои крылья принять; потому что ваша государская милость нам никакой утехи не даете чрез нашего монаха, а своих присылаете, особенно Искрицкого, с зятем которого я в большой ссоре; а Доморацкому мог бы я поверить, только по городам везде Москва и чутко стерегут новоприезжего человека, и по Днепру от самого Киева вниз до Чернобыля. А Соломон знает, где перейти Днепр, и мало будет городами идти. Просим у вашей королевской милости надежной ведомости, потому что не могу ничего делать. Пишет ко мне

полковник полтавский, чтоб Москвы не пускать в города, а по орду непременно посылать; до приезда Соломона от вашей королевской милости будем держать Шеленбея-мурзу, а другой татарин приехал из Крыма недавно, на третьей неделе поста, и говорил, что к вашей королевской милости пошел татарский посол. И о том вашей королевской милости объявляю, что я слышал про гетмана коронного, будто ваша королевская милость на него гневается, и потому к нему, гетману, не смел писать и к пану подскарбию, только знаю хорошо, что и он не ведает о тех секретах, потому что ваша королевская милость на то не соизволяет. Дайте же нам подлинную ведомость через нашего Соломона, и мы будем сами с ордою бить Москву; мы начнем, а ваша королевская милость давайте помощь, присылайте своего войска несколько тысяч на назначенное место, чрез Днепр на Канев; а если ваша королевская милость своего верного человека хотите прислать с Соломоном, то будем верить ему, а так нельзя одному ему проехать чрез города и чрез Днепр; не дай бог чего - сейчас же погибнем от Москвы. Сами рассудите, ваша королевская милость, что страшное дело мы начали и будем его сколько можно доканчивать, на божию милость надеемся и на вашу королевскую милость, потому что мы уже совсем тайно прибрались, только ожидаем от вашей королевской милости совету, и затем кланяемся вашей королевской милости".

По рассмотрении писем Чаадаев имел другой разговор с Окрасою. "Ты объявил, - говорил он посланнику, - что король прислал письма и печати по братской дружбе к царскому величеству; но в этой братской дружбе есть сомнение немалое. Король изволил прислать Соломонковы письма самые последние, которые он составил под Варшавою в третий раз; писаны они коротко, безо всякого объявления о деле, только упомянуто о первых и вторых письмах, которые он же, Соломонка, подал королю и Шумлянскому, написавши в них пространно о приеме гетмана Ивана Степановича под оборону королевскую; этим первым письмам при дворе королевском поверили и послали к гетману Доморацкого. С этих первых писем гетман коронный Яблоновский по королевскому указу прислал гетману Мазепе списки, которые с поданными тобою подлинными письмами ни в чем не сходны". Тут Чаадаев показал Окрасе письмо Яблоновского к Мазепе и списки с прежних Соломоновых писем: все это Мазепа переслал в Москву. "Доложи королевскому величеству, - продолжал Чаадаев, - что если он хочет правдивым сердцем с царским величеством по-братски поступить, то изволил бы прислать и первые, и вторые Соломонковы письма подлинные".

"Первые и вторые письма Соломонко действительно королю подавал, - отвечал Окраса, - только им король ни в чем тогда не поверил, поэтому их бросили без внимания, они затерялись, и перед моим отъездом отыскать их никак не могли, сыскали только последние листы, которые я и привез. Посылки к гетману Мазепе с призывом в польское подданство никакой не бывало от короля; пусть великие государи Соломонка на границе велят принять, а Доморацкого с письмом Шумлянского отдадут королю".

"Теперь Доморацкого отдать великие государи не приказали, - говорил Чаадаев, - потому что доведется ему с Соломонком дать очную ставку, а как дело кончится, то и Доморацкий будет отпущен. Ты говоришь, что король и первым письмам не поверил и не посылал к Мазепе; но по чьему приказанию посылал Шумлянский?" Окрасе показали подлинное письмо Шумлянского к Мазепе, прочли и расспросные речи Доморацкого, в которых тот показал, что послан был Шумлянским к Мазепе по приказанию королевскому. Окраса вздумал оправдывать Шумлянского, говорил, что в его письме нет ничего, кроме призыва на войну против бусурман. "Но о каком это иге говорит Шумлянский, которое надобно свергнуть? - спросил Чаадаев. - На украинских жителях татарского или турецкого ига нет!" Окраса замолчал.

Соломон был выдан. Его привезли в Москву, расстригли и под прежним его светским именем Семена Гродского подвергли пытке. Что он показал - неизвестно. Известно только то, что в Батуриин поехали царские посланцы с известием, что Михайло Гадяцкий сослан в Сибирь, повезли к гетману и Семена Гродского. Мазепа требовал его неотступно, жаловался, что думный дяк Украинцев без царского указа и без приказа боярина Льва Кирилловича Нарышкина велел Кочубею надзирать за гетманским поведением, отчего учинилось Кочубеево многое лукавственное коварство; гетман об этом ничего не знал, потому его и ни во что ставят; а Кочубей в дружбе с Полуботком. Полуботок бранил гетмана всячески в Киеве и доносил на него в Москве, но не мог ничего доказать и отослан был к гетману головою, однако в царской грамоте велено ему жить в своем имении до указа; от этого гетману учинилась великая стыдная печаль. Петрик, племянник Кочубеев, по такому же воровскому вымыслу отпущен в Крым, как Соломонка к королю; гетман слезно молит бога, чтоб бог выдал врага Соломонка на обличение других врагов.

Но когда Гродского привезли в Батуриин, чтоб там казнить его смертью, то гетман, побивши челом за царскую милость, объявил, что он не может казнить Гродского без полковников, да и не желает его смерти, а гораздо лучше возить его по всем малороссийским городам и показывать народу для совершенной ему, гетману, старшине и всему Войску Запорожскому очистки. Но в Москве смотрели иначе; к Мазепе был послан указ: чернеца Соломонка, государственного изменника и замутилеля, во время съезду старшины в Батуриин казнить смертью, а по городам не возить, потому что о его воровстве известно всем. Когда старшина собралась, Мазепа велел генеральному писарю Кочубею прочесть перед нею московский розыск Гродского и показать его воровские письма и поддельные печати. Старшина и полковники, посмотря на письма и печати, сказали, что это дело не одного вора Соломонка, ясно, что он призван и научен другими злыми людьми. Гетман сказал им, чтоб они поставили перед себя преступника и расспросили, не было ли другого предводителя с ним в этом злом деле? Гродский был приведен пред старшину и говорил с клятвою свои прежние речи, что кроме Мишки Васильева других советников с ним

не было, а если б были, то он и в Москве бы про них сказал и таких жестоких пыток и огня не терпел. 7 октября Гродского казнили, и у казни он сказал прежние же речи. Мазепа был недоволен, что Соломонка казнили смертью, а Михайлу Гадяцкого только сослали в Сибирь. "Следовало бы казнить смертью и Мишку, без пощады, - писал он царям, - потому что Соломонка перед казнию показал на Мишку как на человека, который его подучил на злобу; да будет монаршая воля; но мы просим покорнейше сына Мишкина не отпускать сюда на Украйну, потому что дерево злое плод злой творит". Гетманское желание насчет Гадяцкого исполнить было нельзя, ибо вот что говорит современное известие: "Пытан черкасский полковник Михаил Гадяцкий в государственном деле; с пытки он ни в чем не винулся, очистился кровью и сослан в ссылку".

Петрик в своих возмутительных грамотах указывал на две тягости для малороссиян, за которые обвинял московское правительство: на аренду, или винный откуп, и на обычай жаловать населенные земли чиновникам, которые притесняют своих подданных. В Москве обратили на это внимание и послали сказать гетману, чтоб он подумал хорошенько, нельзя ли отстранить оба обвинения. Мазепа отвечал: "Аренда здесь, в малороссийских городах, не так налогами своими тяжела, как самым именем из давних времен ненавистна, надобно думать оттого, что при польской державе жида ею владели и много вымышленных отягощений делали. Мы, посоветовавшись со старшиною и полковниками, разослали по всем полкам и городам универсалы, в которых прежде всего увещеваем, чтоб старшина наблюдала за арендою, не позволяя обижать людей, т. е. чтоб каждому человеку позволено было выкурить дома вина или купить где-нибудь в другом месте, кроме арендовых шинков, на свадьбу и на крестины; также разошлем универсалы с обнадеживанием народа, что гетман со старшиною ищет способов отменить аренду, а вместо нее найти какие-нибудь другие средства достать денег на войсковые расходы; пусть и весь народ, старшие и меньшие, посоветуются между собою и дадут нам знать, как им лучше: платить ли вместо аренды новую подать народом или наложить пошлину со всяких шинков? Касательно маетностей мы так рассудили со старшиною: которые особы в войске и народе считаются к службе негодными, а в силу наших универсалов владеют маетностями, у тех маетности отнять; у тех же, которые владеют маетностями по царским грамотам, отнять маетностей не смеем, ибо это значило бы нарушение монаршеской воли. Об этом просим милостивого указа и докладываем: запорожцы не раз давали нам знать и теперь чрез посланца нашего объявили, чтоб маетности от меньших особ были отобраны; не так нелюба им аренда, как это владение маетностями, и если мы их не отберем, то между народом встанет смута. Мы уже давно разослали повсюду универсалы, чтоб никто из владельцев не смел в пожалованных ему селах отягощать жителей большими работами и поборами и делать им какие бы то ни было обиды, чтобы на владельцев-притеснителей крестьяне подавали нам челобитья, по которым будет непременно расправа".

Новая мера отобрания маетностей прежде всего приложена была к Леонтию Полуботку. Миргородский полковник Данила Апостол донес, что когда Мазепа был в Москве, то сын Полуботка говорил ему, Апостолу, о враждебных намерениях Михайлы Гадяцкого. "Если, - писал Мазепа, - молодой Полуботок знал о замыслах Гадяцкого, то должен был знать и о замыслах Соломона, должен был знать об этом и отец его, тем более что старик, находясь на полковничестве переяславском, промышлял о гетманстве". Вследствие этого Полуботки, отец и сын, были посажены под караул и маетности отобраны.

В то время, когда Мазепа преследовал своих внутренних врагов, на западном берегу Палей все более и более приобретал славы в неутомимой борьбе с татарами. Тяжел пришелся он Крыму: там сравнивали его с Серком и подсылали к нему с предложениями, что хан сделает его лучше Хмельницкого, если только он перейдет на татарскую сторону. Положение Палея действительно стало похоже теперь на положение Хмельницкого: в польской стороне он оставаться не хотел, потому что козак не мог ужиться в ладу с панами; бил челом великим государям, но те не принимали, боясь нарушить мирный договор с Польшею, как из той же боязни не принимал Хмельницкого отец их; но Хмельницкий стал пугать Москву тем, что если не примет его православный царь, то он поддастся бусурманам; и Палей теперь, вследствие присылки из Крыма, получил возможность грозить тем же. При личном свидании с Мазепою в Барышевке он сказал ему, чтоб великие государи приняли его без отлагательства, а если он на их службу не надобен, то пусть ему об этом объявят прямо, и он сыщет себе место; и татары его к себе примут; великие государи напрасно так боятся нарушить мирный договор с Польшею: поляки хлопчут изо всех сил, как бы только отыскать случай к войне. Мазепа, сообщая об этом разговоре в Москву, прибавляет от себя, что если Палей перейдет к татарам, то и запорожцы пойдут вместе с ним туда же, что будет очень вредно для России: хорошо было бы поэтому Палея принять, а перед поляками отговориться тем, что он родился в Борзне; и если великие государи Палея примут, то он, Мазепа, сделает его полковником переяславским. Но из Москвы прежний ответ: Палея принять нельзя; гетман должен его уговаривать, не допускать, чтоб он в отчаянии перешел на бусурманскую сторону; а если учинится Палею совершенное утеснение, то он бы от полка своего отлучился тайно на переяславскую сторону. Но Мазепа этим не успокоился и в декабре 1692 года снова писал царям о Палее: просил внушить польскому правительству, какой вред будет христианству, если Палей будет приведен в отчаяние польскими притеснениями и отложится к татарам; но при этом гетман повторял прежнее: "Лучше было бы принять Палея со всеми людьми и с городком Хвастовым под царскую руку; если он, будучи малороссиянином по происхождению и приобретши такую знаменитость, перейдет к неприятелю, то в Малороссии поднимется волнение, прельщенные своеволием и добычею, многие люди потянутся отсюда к нему. Цари отвечали, что в случае крайности Палей с теми из своих полчан, которые из Запорожья и с восточной стороны Днепра, может

перейти опять в Запорожье и, побывши там несколько времени, пусть расходятся в малороссийские города, куда кому сручно, где у кого есть родственники: за этот переход выговоров и причитанья с польской стороны не будет, а Палею перейти на Запорожье вовсе не бесчестно: каким путем он вышел из Запорожья в Польшу, тем же самым возвратится из Польши в Запорожье".

И кроме Палея было много людей за Днепром, которые постоянно обращали свои взоры к Москве.

Шумлянский спешил оправдаться перед царями. Весною 1692 года русский резидент стольник Михайлов находился во Львове. 30 апреля епископ прислал к нему своего архидиакона с приглашением приехать к нему на другой день в кафедральный собор к обедне и смотреть комедию, которая будет действовать в честь св. мученика Георгия, а после комедии обедать у него, епископа. Резидент не поехал, отговорившись нездоровьем. На другой день, 1 мая, - новый посол от Шумлянского, соборный священник монах Красинский, у которого резидент Великим постом исповедовался. Монах начал говорить о сильном огорчении епископа, что нигде не может видеться с резидентом; все это из-за Соломона, но епископ тут не виноват, ввязался он в дело поневоле. Михайлов отвечал, что он никакого дела не знает, не видался с епископом по болезни и за недосугами, и если Шумлянский хочет непременно с ним видеться, то пусть 4 мая с немногими провожатыми приезжает в загородную пустынь Иоанна Богослова: там он, резидент, будет у обедни. Шумлянский приехал в назначенное место и, удалив всех свидетелей, начал говорить резиденту: "В нечаемую беду и в гнев царского величества вшел я неволею, а не охотою". Тут взял он крест, поцеловал и, прослезясь, продолжал: "Ей, самую истинною, буду говорить: когда чернец Соломошко с фальшивым письмом к королю явился, то король сейчас же прислал за мною и говорил: "Пане отче, пришло твое время нам помогать, а кроме тебя делать этого дела некем". И я по тому королевскому приказу писал к гетману Мазепе письмо своею рукою, чтоб он по желанию своему приступал к наследственному государю. А кроме того ничего дурного я не писал. Прежний резидент Волков бесчеловечно на меня наносил, будто я законопреступник и вор, писал в Украину воровские письма и с архидиаконом своим прислал будто какой-то лист за королевскою рукою. Этим я оклеветан, и дело доходило уже до того, чтоб и мне так же поступить, как перемышльский епископ. Скажи, пожалуйста, какой это королевский лист и откуда он в Москве взялся?" "Не слыхал и не знаю ничего, что ты мне говоришь, - отвечал Михайлов, - а по словам твоим рассуждаю, что и то письмо, которое ты писал к гетману Мазепе, очень нехорошее письмо, и думаю, что ты это сделал сам собою, без королевского указа, и короля клепнешь, чтоб себя оправдать".

Шумлянский клянется и божится, что делал по королевскому указу. "У меня об этом, - говорит он, - два королевских письма за его подписью и

печатью. Да и без этого каждому можно рассудить, мог ли я это сделать сам собою: ведь Мазепа с Украиною никогда мне в особое подданство не поддастся, да и мне от себя призывать его нельзя. Царское величество требовал от короля, чтоб он выдал меня в Москву на казнь, и король отмалчивался; а если б я писал к Мазепе сам собою, то король рассердился бы на меня и отстаивать меня не стал. Но слава богу, что от этого ничего не сделалось, все по-прежнему, и вперед будет в науку; король не перестает жалеть об этом и до сих пор, хлопочет, как бы поскорее дело прекратилось, и Соломона отдал".

- "Так как я ни у кого об этом, кроме тебя, не слыхал, то много рассуждать мне и толковать нечего, - говорил резидент, - только и из немногих слов твоих могу понять, что дело это немалое, и надобно тебе о себе порадеть, как в том исправиться, и душу свою от такого великого греха избавить".

Шумлянский, вздохнувши, сказал на это: "Сатана меня искусил; а король разве не умный человек, и другие, которые в то дело ввязались, разве не умные люди? однако были обмануты чернецом, без рассмотрения поступили. Говорю тебе наверное, что полякам отыскивать Украины: в середине великого поста вдруг присылает за мною король; я поехал; а он меня встречает словами: отец! прежде то наше дело исполнилось, Мазепа уж наш, приехал в Белую Церковь. Целый тот день король был весел и напоил меня добрым вином, какого уже давно никто у него не пивал. Но потом, четыре дня спустя, опять прислал за мною и говорил, что дело отменилось, еще не исполнилось. Из этого можно видеть, какую здесь имеют надежду".

- "Слышу от тебя дела дивные, - говорил резидент, - не ожидал я от твоей особы и от твоего чина, чтоб ты впал в такие тяжкие грехи своевольно. Но какими же способами ты хочешь исправиться, вину свою покрыть?"

- "Что было, то было, - отвечал Шумлянский, - прогневал я великих государей письмом к Мазепе, очень жалею, да воротить нельзя; а хочу за ту вину заслужить великим государям вот чем: хотя у царского величества и заключен вечный мир с поляками, только мир этот очень некрепок; поляки царскому величеству большие недоброхоты и ждут только случая, как бы малороссийские города оторвать, для того мирный договор и в конституциях их не напечатан, подкреплен он одною королевскою присягою, а Речью Посполитою не подтвержден. Но дело известное, что королевские решения может последний шляхтич оспорить. Как только поляки соберутся с силами и увидят удобный случай, так вечный мир и нарушат. Союза с ними иметь невозможно, потому что все обманывают и всякими способами ищут зла: за вечным миром мало не все благочестие привели неволею в унию, остался с своею епархиею я один. Прекратить это зло и подкрепить вечный мир можно так: потребовать на сейме, чтоб мирный договор в конституциях своих напечатали, а если не напечатают, то великие государи не будут ставить этот мир в мир. Не худо бы им и

погрозить да спросить: зачем премышльскую епископию обратили в унию? Станут говорить, что епископ приступил к унию своею охотою, отвечать: пусть он один и будет ваш, а православным его епархии пусть будет воля выбрать другого епископа; а с челобитьем об этом выборе много православных на сейм приедет, и я челобитье изготворю; полякам отказать будет нельзя, епископия восстановится и благочестие утвердится на долгие времена; потому пусть царские послы поднимут на сейме дело обо мне, потребуют мне наказания за письмо к гетману Мазепе; я, будучи огражден конституциею, выступлю против короля смело, письма королевские всем покажу. Думаю, что тут король станет утекать. А на сейме надобно с ними обходиться по французскому обычаю, некоторых сенаторов надобно подкупить; так войною поляков не повоюешь, как подачкою; подарками царское величество может сделать на сейме все что угодно. Если же великие государи прежде подтверждения договора конституциею начнут дело обо мне, то я приступлю к унию или за границу уеду. Совесть мою бог видит, что я писал письмо по крайней неволе, укрывая благочестие, принужден я поступать подозрительно, ношу сапоги то красные, то желтые, шапку надеваю вместо клобука, угождая польским политикам, как бы только епархию свою от гонения избавить".

15 мая, в Троицын день, Шумлянский служил в соборной церкви, молился усердно, торжественно за царей, за вселенских и за московского патриархов, за царскую палату, за умножение благочестивой веры греческого закона; резидент был в церкви, и все львовское братство "с великим благочинием и рацеями отдавало перед ним великим государям свое доброжелание и рабскую уклонность".

А между тем по-прежнему шла церковная борьба у русских с поляками, по-прежнему поляки не переставали теснить православных. Вот что доносил русский резидент Волков в Москву. 14 мая 1690 года в Варшаве канцлер коронный Эрнст Денгоф судил владимирских мещан с епископом владимирским, отступником от православия, униатом. Епископ хотел обратить в унию две благочестивые церкви, построенные владимирским братством; он выставлял на вид, что все русские церкви теперь в унию и находятся под его паствою; остались только две эти церкви, и священники их ходят по своей воле, а его, епископа, не слушают. Мещане доказывали, что церкви эти исстари благочестивые и потому не следует обращать их в унию, король при избрании своем присягал чтоб вере никакого утеснения не делать. Канцлер произнес такое решение: "Хотя прежде эти церкви в унию и не были, так теперь будут". Но только что он выговорил эти слова, как всем показалось что своды в палате начали трещать и стены колебаться. Все бросились бежать: канцлер в дверях зацепился за что-то своими широкими рукавами и упал, бежавшие за ним попадали на него и чуть не задушили, вынесли его чуть живого. Опомнившись в сенях, канцлер послал верных людей осмотреть, нет ли кого на крыше и отчего своды грозили падением; на крыше никого не нашли. и своды стояли безо всякого повреждения. Несмотря на то, канцлер не решился досуживать

суда и больше уже не входил в ту палату. а дело предоставил на королевское решение; король решил в пользу униатов. Сколько было тогда православных в Варшаве при дворе, видно из следующего донесения Волкова. На дворе у резидента была православная церковь, где служил священник из Перемышля. В церковь сходилось множество православного народа, покоевые дворяне королевские и шляхта, священник исправлял требы, исповедовал, приобщал, крестил младенцев, венчал свадьбы. Это сильно не нравилось польскому духовенству, и 20 мая познанский бискуп Витвицкий велел схватить священника на улице и привести к себе. Наговоривши ему о вере благочестивой противных вещей, бискуп велел посадить его под караул у себя на дворе. Но на другой же день умер скоропостижно королевский сокольник. русский человек; товарищи его, сокольники, подали королю просьбу, чтоб позволено было похоронить умершего по православному обряду; король согласился, и по его указу освободили священника из-под епископского караула. Осенью того же года униатский перемышльский епископ Малаховский захватил пять православных церквей, причем униаты отняли у православных священников дворы, разграбили имение. По королевскому указу велено было дворы и пашенную землю священникам отдать; но униаты не послушались, а вдова бывшего коронного подскарбия Андрея Модреевского Урсула, в имении которой находились захваченные церкви, велела поймать одного священника и бить перед собою дубьем: несчастный получил триста ударов, после чего другие православные священники привезли его в Жолкву к королю для осмотра, но не получили никакой управы. Сначала в Львове в школах иезуитских ученье русским людям было свободное; но в девяностых годах иезуиты начали русских принуждать к униии и присяге; кто из русских учеников выучился у них в школах грамматике и риторике, того допускали они слушать философию только год, кто же хотел оставаться долее в школах, тот должен был принять униию.

В 1691 году на смену Волкову отправился в Польшу другой резидент, стольник Борис Михайлов; в Минске явились к нему православные мещане, Демьян Шишка с товарищами, и жаловались, что на них от панов литовских, от гетмана Сапеги и других великое гонение, принуждают их к униии всякими мерами. В мае месяце униатский плебан Салган Юревич, собравшись с католиками и униатами, приезжал в минский Петропавловский монастырь многолюдством, и хотели насильно обратить монастырь в униию. Архимандрит монастыря Петр Пашкович с братиею поостерегся, дал всем православным знать заранее, и православные, собравшись, сидели в монастыре с оружием и камнями трое суток, положивши оборонять монастырь до самой смерти, католиков и униатов с великою запальчивостию били и сказали им напоследок, что помрут в монастыре все, а кто останется в живых, побегут с женами и детьми в Москву и будут им мстить, как смогут. Тогда осаждающие отступили от монастыря. Гонят православных и всякие налоги и наезды чинят по всей Литве униатский митрополит Киприан Жуховский, виленский епископ

Константин Брестовский да плебан Юревич. Татарам и жидам, говорили мещане, больше уважения от панов, нежели благочестивым христианам: татары могут строить новые мечети и жида кагалы, а православным древних церквей покрывать и починять не позволяют, ведут к тому, чтоб благочестие до конца извести.

Летом 1692 года, будучи в Львове, резидент шел однажды предместьем и за иезуитским костелом встретил старика очень почтенной наружности, который подошел к нему, объявил, что он шляхтич русской веры именем Попара, и попросил позволения поговорить без свидетелей. С тяжелым вздохом начал свою речь Попара, что бывал он в Москве еще при царе Михаиле, не раз целовал у него руку, а при державе царя Алексея Михайловича в продолжение многих лет ссылался обо всяких тайнах с боярином Матвеевым, и будто его службою Киев остался в царской стороне. В те годы всем православным был покой большой, принуждения к унии ни от кого не было, во всем русских людей поляки почитали и ничем обидеть не смели, опасаясь царского гнева. Но когда заключен был вечный мир и иезуитам в Москве веру свою распространять позволено, то сейчас же в Польше началось гонение великое на церкви божию, больше семисот церквей обратили в унию, а теперь и последнюю львовскую епископию принуждают к унии. Поляки хвастаются, будто и в Москве их веру больше любят, чем свою русскую. "Нас, православных, здесь, - продолжал Попара, - поляки ни в чем не слушают и за скотов почитают; нынче призывал меня к себе епископ Иосиф Шумлянский и говорил, что прислан королевский указ о присоединении, к унии. Я один и без братства сказал епископу, чтоб он объявил королю нашу русскую раду: никогда мы добровольно в унии быть не захотим, по милости божией у нас вера добрая, и никогда мы о вере королевскому величеству не докучали; изволил бы король оборонять нас от татар, а не от веры. Я в преклонной старости и кончину свою вижу при дверях, так объявляю для христианской веры самую истину, что львовская епископия в благочестии не устоит, если не в этом году, так все же скоро будет в унии, потому что Шумлянский на епископство возведен силою, обороною и желанием нынешнего короля, когда тот был еще гетманом, и при поставлении обещался непременно приступить к унии; а перемышльского епископа ставил он, Шумлянский, при таком же обещании, и прошлого года перемышльский епископ унию принял. И Шумлянский втайне униат, а явно не присягает, потому что братство крепко стоит. А вся эта слабость сделалась оттого, что позволено быть католикам в Москве, все государство иезуиты вызнали, описали все города и обычаи; и трое французов были недавно в Москве для того же. У папы, цесаря, королей французского и польского положено: если война с турками и у цесаря с французом прекратится, то всем сообща войною и всякими вымыслами внести в Московское государство католическую веру; многие иезуиты, которые в Москве были, предложили к тому способы, и многие охотники собираются о том радеть и присягают, что это дело могут в Московском государстве совершить в короткое время. Нам, православным, от этого великое спасение". Резидент успокоивал старика, что все это

нестаточное дело, говорит он о небывалых вещах, не дознавшись подлинно; но Попара настаивал на своем: "Верно знаю, что поляки чрез иезуитов, папу, цесаря и француза уговорили вводить в Москву католическую веру". Русских людей Западной России трудно было успокоить насчет иезуитов, которые являлись для них постоянно главными двигателями гонения, готовыми на все. Могилевское духовенство дало знать резиденту, что приезжали в Могилев из Вильны комиссары пан Вербецкий, пан Шпиловский, Жембоцкий да Ильинич и, по иезуитскому настоянию, с великим надругательством разорили церковь Петра и Павла в селе Езере, в трех милях от Могилева, позволили разорять ее близ живущим татарам; побивши прихожан, которые защищали церковь, татары влезли на крышу, столкнули ногами крест, а потом всю церковь до последнего бревна разметали, иконы покололи ругательски. Место осталось пусто, православные христиане без церкви начали быть в размышлении и многие стали клониться к иезуитскому учению. Когда львовские жители являлись к королю на визит с поздравлениями и подарками, то впереди шли поляки, потом армяне, а уже за армянами русские православные, тогда как прежде русские стояли выше армян. Перемышльский епископ Иннокентий Винницкий, приняв унию, стал жестоким гонителем православия: по его наущению шляхта напала на православную церковь св. Троицы в местечке Коморне, в четырех милях от Львова; в церкви священник Иван Ревенец служил обедню, шляхта хотела вытащить его вон и убить, ни прихожане заперлись в церкви и оборонялись часа с три; но потом, видя, что отсидеться никак нельзя, надели на священника женское платье, выпроводили его тайком и потом отперли церковь. Шляхта, не найдя священника, била прихожан насмерть, а церковь запечатала для отдачи униатам.

В Москве не могли быть равнодушны при получении подобных известий: резиденту было велено потребовать от польского правительства, чтоб по всем русским поветам посланы были универсалы со строгим запрещением обращать православных в унию, чтоб на место отпадших епископов позволено было русским людям избрать новых, которым для поставления ехать в Киев к митрополиту. На это был ответ: "Ни королю в государство Московское, ни царям в государство Польское заглядывать и в тамошние распоряжения вступать не следует; смоленская шляхта вся приневолена и стала Русью: и мы об этом не говорим, потому что в обоих государствах вера христианская одна и всякий государь в своем государстве волен". Резидент возразил: "Дело идет не о заглядывании в государство; смоленская шляхта никакой в вере неволи не имела и не имеет; дело идет о нарушении договоров, о нарушении присяги, данной королем и всею Речью Посполитою. В вере неволя, в присяге неправда-дела начальные!" - "В добре зла никакого нет, и иначе потому уже быть нельзя", - отвечали поляки.

Насилия не прекратились: в 1693 году воевода полоцкий Красинский в своем имении Соколове отдал в унию церковь Покрова Богородицы,

заstraщав прихожан войском: "Русские люди стонут и плачут, а пособить себе не могут и стали в вечном помрачении". В Каменце литовском подканцлер князь Радзивилл обратил в унию церковь Рождества Богородицы. На представления резидента отвечали, что в Каменце было руси только человек с тридцать и сами просились в унию; что же касается до полоцкого воеводы, то он распоряжался в своей отчине, запретить ему трудно, пусть резидент поговорит с ним сам. "Все вы толкуете о вечном мире! - говорили паны. - Этим вечным миром великие государи хотят распоряжаться в наших отчинах, как будто по вечному миру мы стали их невольниками! По нашему праву всякий шляхтич в своем имении волен и без королевского ведома может хлопков своих казнить, как хочет, и неужели нельзя какого-нибудь негодного попа переменить? В договоре с царским величеством идет дело об одних королевских имениях, а не о панских и шляхетских маетностях, потому что пану в его имении указывать нельзя. Из Москвы иезуитов выслали, римской вере неволя - но король молчит, потому что цари в своем государстве вольны". Делать было более нечего, потому что на плечах была опасная война: не русские рати ходили на Крым, а татары навещали Украину.

В начале 1693 года 40000 татар вместе с Петриком явились на Украине, но не могли привлечь Запорожье на свою сторону, не могли взять ни одного города и с ничтожною добычею возвратились назад, "только едва копытами своими погаными богохранимой вашей монаршеской державы коснулись", как извещал царей Мазепа. Петрику, который, по современному выражению, продолжал "пялить душу на крюк адовой пропасти", оставалось писать на Запорожье грамоты, страшать козаков Москвою: "Разумные головы, рассудите, что не всегда московские цари такое вам будут давать жалованье, как теперь часто присылают червонные золотые: это Москва делает, потому что слышит в лесу волка, а когда беда минется, то не только жалованья вам не даст Москва, но, помирившись с Крымом, вас из Сечи выгонит, вольности ваши войсковые отнимет, Украины нашей часть орде отдаст в неволю, а остаток возьмет в свою неволю вечную. И тогда к кому прикинетесь, кто вам поможет и избавит вас из неволи? Сами знаете сказку, что за кого стоит крымский хан, тот будет и пан. Дивное дело, что прежде все вы жаловались на неправды от Москвы и от своих господ, жаловались, что нет такого человека, который бы начал дело. А теперь, когда такие люди нашлись, то вы не очень охотно позволили на свое освобождение: охочее войско на Русь пускали, а сами, лучшие люди, в Сечи оставались. Я вашим милостям, добрым молодцам, советую: воспользуйтесь удобным временем! А если это время упустите, то уже никогда другого такого иметь не будете, и когда свои вольности потеряете, то возьмите на свои души грехи всей Украины, которая вами защищается и на вас надеется". Запорожцы отвечали "врагу воплощенному", что вся клятва падет на него; потому что он с бусурманами приходит опустошать крайнее гнездо православной веры, Москву и особенно Малую Россию.

Петрик жестоко ошибся, положившись на речи недовольного меньшинства в Запорожье и задумав сыграть роль Богдана Хмельницкого. Огромное большинство в Малороссии крепко стояло за единство русской земли, т. е. за союз с Москвою во имя православия. Вот что доносил царский посланец дьяк Андрей Винуус, бывший в Малороссии в начале 1693 года и внимательно наблюдавший расположение умов: "По городам, селам и деревням видел я в народе совершенную твердость православной церкви, большую набожность и к великим государям всесовершенную и постоянную верность. Говорят: где нам такого покровы, защиты и благополучного жития сыскать, какое получили под царским правлением? Живем при православной вере, при правах и вольностях своих по домам мирно, чего никогда не видали от ляхов, у которых были в таком же порабощении, как Израиль в Египте. Кому из нас в голову может прийти мысль соединиться опять с ляхами, которые, если б могли, всех бы нас отдали бусурманам, или под меч положили, или в душевредительную унию обратиться приневолили. А что дьявольский сосуд Петрик делает, то ясно, что христианину с бусурманом никогда в союзе быть нельзя: пример Молдавия и Валахия, запустошенная бусурманами".

Уход врага дал возможность заняться внутренними делами. Надобно было порешить вопрос об аренде, или винном откупе. Гетман велел полковникам съехаться в Батурин и привезти с собою всю полковую старшину, городских урядников, знатное войсковое товарищество и мещан, с которыми можно было бы посоветоваться и решить дело об аренде. Собралось много людей всяких чинов, долго между собою говорили и советовали, оставить ли аренду по-прежнему или уничтожить? Многие стояли на том, что аренду надобно удержать непременно, потому что она никому, кроме шинкарей, не вредит, и в городах от нее большая оказалась прибыль: все свои нужды они исправили благодаря аренде, а в иных городах и денег по тысяче и по другой золотых положили себе в запас. Но большинство оказалось против аренды: аренда, говорили они, издавна дело ненавистное, вечный повод беспокойным людям к порицанию, вечный предлог вредить общему добру; и теперь запорожцы по ее поводу кричали и вопили. Порешили на том, что аренду уничтожить, а деньги, необходимые на жалованье охотничьему войску и на всякие полковые расходы, собирать с тех людей, которые будут содержать шинки, и с винокуров, которые развозят свое вино по ярмаркам. Но согласились ввести этот новый порядок только на один год, чтоб посмотреть, что из него выйдет.

Петрик не приходил с татарами на Украину; тем не менее гетману не было от него покоя. Козаки, бежавшие от Петрика, показали, что у него есть грамоты от Мазепы. Показание было такого рода, что в Москве не могли дать ему веры, но Мазепа сильно кручинился. В Глухове на обеде у стародубского полковника Миклашевского Мазепа бросился на Кочубея, бил его по щекам, топтал пинками, кричал: "Ты с Петриком писал листы моим именем, отчего я в невинности моей сокрушаюсь и ношу такое

нарекание". - "Я ни в чем тут не виноват, ничего не знаю, - отвечал Кочубей, - разве Петрик захватил какие-нибудь старые письма из моей канцелярии, - этого я не знаю". После этой сцены Мазепа сейчас же поехал из Глухова в лагерь к стольнику и полковнику Батурину и начал ему говорить: "Что теперь делать?" Батурин отвечал: "Одного опечалили, а другого оскорбили; ступай опять в Глухов к Миклашевскому". Мазепа сейчас же поехал к Миклашевскому, послал за Кочубеем и помирился с ним.

Петрик не давал покоя Мазепе и тем, что не переставали приходить вести об его новых замыслах. Петрик твердил хану: в Малороссии непременно будет бунт от черни на панов и откупщиков, особенно если хан пойдет к малороссийским городам и гетман соберет все полки в один обоз: тут прежде всего чернь станет старшину бить, а потом в городах чернь перебьет панов и откупщиков, и тогда весь малороссийский народ соединится с крымцами и пойдет войною на Московское государство. Хану и Петрику прежде всего хотелось переманить на свою сторону Запорожье, в котором постоянно были люди, готовые с ними соединиться, постоянно по куреням слышались слова: "Если хан будет давать войску деньги и коней, то мы готовы служить хану и панству крымскому: за кем хан, тот и пан". Гетманский посланец Горбаченко, возвратившись из Сечи, рассказывал: "Множество там легких людей, голутьбы, безодежных, безоружных. Кошевой атаман Гусак говорил мне: видишь, сколько голутьбы прихожей из городов, а в раде против всякого нельзя говорить нам; если бы по раденью гетманскому отворилась война на бусурман, то вся бы эта голутьба пошла на войну, и все бы пререкатели пропали на боях". Мазепа стал хлопотать в Москве, чтоб позволено было начать наступательную войну против турок. Сильно обеспокоило гетмана известие, что козачество обратило свое внимание на Палея. Петрик хотел сыграть роль Богдана Хмельницкого, много наобещал и ничего не сделал; по перед козаками был знаменитый полевой воин, который ничего не обещал, но много делал, воюя постоянно и успешно с татарами; Палей многим из козаков представлялся желанным вождем для всякого козачества, храбрым и счастливым. Когда Палей шел под турецкие городки, в Запорожье говорили: "Дадим Палею гетманство, вручим ему все клейноты; Палей пойдет уже не Петриковою дорогою, знает он, как украинских панов прибрать к рукам".

Скоро представился случай втянуть Палея в дальнейшее и опасное предприятие, и Мазепе очень хотелось им воспользоваться. Господарь молдавский, враждуя с господарем волошским, прислал к Мазепе с просьбою помочь ему схватить своего врага, а если гетман не согласится употребить для этого своих казаков, то нельзя ли поручить это дело Палею. Мазепа немедленно написал Льву Кирилловичу Нарышкину: "Палей гнушается поляками, а великие государи наши не принимают его по причине договоров с Польшею, один перейти к нам с семейством он не хочет, сластолюбствуя совершенною в Хвастове над многими людьми

властию. Так было бы хорошо затянуть его в такое дело, в котором бы он не повредил своего христианского правоверия, ибо так как он пересылается с начальниками белгородской орды, то надобно опасаться, чтоб бусурманы не прельстили его; если же он предпримет военное дело, потребное христианству, то уже никакая вражья прелесть не будет иметь над ним силы". Но великие государи отвечали, что этот промысел должно оставить, потому что, по вестям, в Валахию должны войти большие турецкие силы, и Палею может быть беда.

В конце июня голутьба на Запорожье взяла верх, и возобновлено было перемирие с ханом; кошевой Гусак, не хотевший мира с бусурманами, сдал атаманство, и на его место был выбран Рубан.

В Москве для успокоения запорожцев написали грамоту, в которой говорилось, что нынешнего лета воинского похода под турецкие городки не будет и чтоб запорожцы не обвиняли в этом гетмана. С этою грамотою Мазепа отправил в Запорожье козака Кныша. Когда грамоту прочли в Сечи на раде, то поднялся крик: "Ясно, что поход отложен по гетманскому желанию, гетман же исходатайствовал и у великих государей грамоту, чтоб мы на него не жаловались! Когда мы узнали, что похода под городки не будет, то заключили с ними перемирие, а гетман, узнавши об этом, послал старого нашего кошевого Федка под Очаков; Федка похватал турок и татар, ходивших за солью, и многих побил, а татары побрали за это наших запорожцев невинных на соляной добыче 50 человек. Гетман должен нам выдать всех пленных, взятых Федкою, и его самого, а если этого не сделает, то пусть ждет нас с ордами к себе на зиму в гости, увидит, что ему, его панам-арендарям и дозорцам будет. Бывший гетман Иван Самойлович такого подкопа над нами не делал; однажды попробовал сделать такой же подкоп, но когда Серко ему написал, что готовится на него сто тысяч сабель, то испугался и прислал тотчас к нам вина, ветчины и всякого запаса. А этот гетман называет нас пастухами, дозорца его Рутковский ватаг с запасами на Запорожье не пропускает; только мы Рутковского скоро возьмем в руки, чтоб нам больше пакости не делал. Пока Мазепа будет гетманом, нам от него нечего добра чаять, потому что он всякого добра желает Москве и к Москве смотрит, а нам никакого добра не желает; только тот гетман будет нам на руку, которого мы поставим в Черной Раде". Писарь запорожский говорил тайно Кнышу: "Как хан возвратится из войны венгерской, то запорожцы хотят тотчас утвердить с ним мир и идти войною на великороссийские города, а в Малой России воевать им не для чего, потому что она сама в себе кого надобно повоюет: винокурники, пастухи, овчары и голутьба всех своих начальников и панов побьют. Хотят запорожцы идти на великороссийские города за то, что им присылается из Москвы жалованье не такое, как донским козакам. Запорожцы сердятся и за то, что на Самаре построены города и осажены людьми, что лес их стародавний вырублен, в Орле сидит воевода с воинскими людьми, тогда как в статьях Хмельницкого написано, что московским ратным людям быть на Украине только в трех городах. И то запорожцам в тягость, что

гетманов, старшину и полковников без их ведома берут в Москву и в Сибирь ссылают".

От Палея приходили также неприятные вести. Посылал он своего козака к королю и к коронному гетману с татарскими языками. Коронный гетман призвал к себе козака ночью и говорил ему: "Зачем Семен Палей мне не доверяет, я никого еще своим гетманским словом не обманул. Лучше бы Палею было, когда бы он моих указов слушал и ходил туда, куда я велю, чем самовольно ходить по татарским саклям, из чего ему нет никакой выгоды. Оттого, что он не слушает моих указов, и вам деньги из королевской казны не даются. А если Палей в другую сторону оборачивает свою службу, то там пуще пропадет, вешаясь на двух голях. Пусть он знает, что если захочу, то сейчас же мне его выдадут: пишут ко мне полковники заднепровские, что все они его ненавидят и щадить не будут. Если бы вы, добрые молодцы, блюдя свою верность королевскому величеству, другого себе полковника выбрали, то очень бы хорошо сделали, потому что у вас, козаков, не новость старших переменять; а если бы так сделалось, то сейчас бы вам дана была из казны королевской достаточная плата".

В Москве сочли нужным отправить на Запорожье сто половинок сукна в прибавку. Когда сукно привезли в Батурин и стали осматривать, то нашли, что три половинки испачканы дегтем. Мазепу это обстоятельство очень опечалило; но делать было нечего, послал сукно со своим козаком Сидором Горбаченком. Не доезжая четыре мили до Сечи, Горбаченко послал сказать о своем приезде кошевому. Тот назначил раду и во всех куренях велел запечатать вино, чтоб пьяных не было. Когда Горбаченко приехал, атаман велел идти ему в раду, собранную по обычаю подле церкви. Горбаченко вошел в раду, помолился на церковь, поклонился до земли на четыре стороны и подал кошевому лист гетманский. Писарь громко прочел лист, и все начали кланяться, благодарить великих государей за жалованье. Стали смотреть сукна, хвалили, говорили, что прежде к ним таких сукон не присылали; запачканных сукон не успели осмотреть, потому что писарь и судья, заметивши их, спрятали и сказали, чтоб все расходились по куреням, а сукна они и без них примут.

27 декабря ночью прискакал в Малороссийский приказ капитан Ярышкин с важными делами. Мазепа наказал ему объявить Льву Кирилловичу Нарышкину и думному дьяку Украинцеву следующее: "Если укажут великие государи принять Семена Палея, то изволили бы прислать к нему о том указ вскоре. По принятии Палея надобно прислать новые войска на Украину для защиты Палея и Украины от поляков, которые Палея прием даром не оставят. Палей пишет и приказывает гетману словесно, что если ему обороны и помощи от гетмана не будет, то он обратится в другую сторону, куда его давно зовут, потому что поляки совершенно ему не доброхотствуют и ищут способа, как бы его схватить и казнить; если же такого удобного случая не найдут, то хотят убить его тайно чрез злохитрых

людей. Если Палей пристанет к бусурманской стороне, то вся Украина разорится, потому что козаки пойдут все к Палею, и помешать тому никак будет нельзя, потому что Палей - человек военный, имеет в воинских делах счастье, за что козаки его очень любят, и такого другого человека на Украине нет: и теперь, хотя под жестоким страхом было заказано, однако пошло к нему из киевского полка много козаков". В письме своем к Мазепе Палей уведомлял, что коронный гетман разослал универсалы к козакам и мешчанам с увещаниями отстать от Палея. Вслед за тем польские хоругви и козацкие толпы напали врасплох на сотни Палеева полка, убили много народа; Палей писал, что должен будет драться, и просил у Мазепы наставления, совета и войска. Не дожидаясь совета и наставления. Палей 29 декабря послал новое письмо к Мазепе: "Прошу об ответе немедленном: если мне нет надежды на милостивую помощь войском, то позволь мне с моими людьми выйти из Хвастова и поселиться в Треполье или Василькове, потому что насилия мучительского от поляков невозможно выдержать; кругом все их крепости, под боком Белая Церковь, от которой не раз была уже пагуба Хвастову. Тысячекратно упавая к ногам regimentарским, прошу плачевно: дай ведать - будет ли помощь, или мне от тех врагов сбрести?" Из Москвы прежний ответ: нельзя принять Палея прямо и поселить в Треполье: это будет явное нарушение договора; пусть идет и с полчанами своими сначала в Запорожье и оттуда переходит в города царского величества.

Но Мазепа не переставал петь старую песню, что надобно принять Палея, и прямо высказал, что в противном случае он боится встретить в Палее опасного соперника, другого гетмана Хмельницкого. "Теперь, - писал Мазепа в Москву, - Палею уже нельзя прекратить ссор с поляками, потому что с обеих сторон побито человек с двести. Палей хочет оставить Хвастов и поселиться в Умани; чтоб он, поселясь там, не призвал к себе татар на помощь против поляков; призовет татар, станет воевать и разорять поляков - опасно, чтоб и этой стороны не разорил, потому что захочет писаться гетманом и с этой стороны козаков переманивать; чтоб не был он другой Хмельницкий, надобно заблаговременно размыслить, как с ним поступить? Лучше малую искру загасить, чем большой огонь тушить, особенно для того, чтоб не произвел он в Малой России мятежа и перезовом жителей опустошения; удержать же их будет тогда невозможно, потому что малороссийские жители имеют на той стороне пасеки и всякие угоды".

Палей отразил поляков; но, видя, что цари не согласны его принять, как бы ему хотелось, написал коронному гетману Яблоновскому, что готов смириться пред королем. Яблоновский отвечал ему: "Рассуди, ваша милость, накрепко, не всякая ли из нижеписанных статей влечет за собою суд, казнь и меч? Ты указов моих не слушал в самых важных военных обстоятельствах; в отчинных имениях разных лиц своевольно раздавал становища людям непослушным полка своего; шляхту, их подстарост, товарищество и разных людей многих бил, убивал, мучил, доходы шляхетские побрал, людей из деревень силою сгонял; край целый польский

себе в послушание отобрал; меды мои своевольно брал; в имениях моих людей расставлял; письма, ко мне посланные, самые нужные, с разными ведомостями и остерегательствами, по дорогам перехватывал; людей, ко мне идущих за письмами, к себе поворачивал и свои письма им давал; и кто перечтет все твои насилия, преступления, убийства, дела бессудные, непослушания, слова злые? Все это понудило королевское величество и меня отправить войско в Полесье, чтоб заставить тебя одуматься; но ваша милость, прибавляя зло ко злу, посланного к тебе Драгомира, вопреки обычаю самых невежливейших народов, велел бить на убой и в колодку посадить; кроме того, козаков Искрицкого и Ярему велел бить и грабить и перед собою, как невольников, гнать. А я всегда посланных вашей милости чувствовал, всегда они были у меня свободны, ни в чем не нуждались, уходили одарены и накормлены. Теперь, ваша милость, смиряешься, добиваешь челом, милосердия желаешь, исправление обещаешь и в то же время ротмистра Бландовского, шедшего по моему указу в Белую Церковь, схватил и ограбил! Как же после этого тебе верить? Несмотря на то, я и теперь у королевского величества ходатайствую о милосердии, и сам готов все вины вашей милости простить, только бы ты сдержал свои обещания; а на свидетельство своего исправления выпусти Бландовского и людей его, за что и мы освободим пленных козаков полка твоего; пасынков своих и дочь пришли в аманаты; принеси присягу королю и республике, и тогда будешь оставлен в совершенном покое; в противном случае велю кончить начатое с тобою дело, кончить мечом и огнем. Если же примешься за верность и послушание - не опасайся ничего, на мою веру и совесть полагайся и приезжай сам за королевским жалованным листом, приезжай поклониться королевскому величеству и добить челом, не бойся: цел будешь и безопасен".

Получив это послание, Палей поехал не к королю, а в Батури к Мазепе со старым вопросом: "Можно перейти в Треполье?" - "Нельзя", - отвечал гетман. Тогда Палей начал говорить: "На Запорожье идти мне не хочется; хотя войско и два раза меня туда звало и предлагало кошевое атаманство и даже высший чин, однако я, привыкши к городскому житью, в Сечь идти не желаю; потому что, пришедши туда, в Низовое Войско, должен буду делать то, чего войско захочет. Лучше мне еще в Хвастове до времени держаться, нежели вдруг неведомо куда оттуда уходить. Знаю, что польские войска всеми своими силами наступать на меня не будут, потому что им и без меня есть что делать при бесконечной войне с турками и татарами, а от малых войск всегда оборонюсь. Кроме того, покажу кротость перед польскою стороною, ротмистра Бландовского и всех пленных поляков отпущу на волю; своих в аманаты не дам, но присягу принесу, что на самого короля (а не на тех, которые будут на меня наступать) не подниму руки; часть своей пехоты на службу королевскую послать не откажусь, потому что эта пехота от меня не отстанет, но, одевшись у них, возвратится назад. Таким образом, могу еще несколько времени подержаться в Хвастове. Жаль мне сильно расстаться с этим местом, не только потому, что там много домостройства моего,

пространное поле хлебом засеяно, но и потому, что я взял это место пустое и заселил не польскими подданными, но от реки Днестра частью из Войска Запорожского, частью из волохов; церкви божии украшенные устроил, чего непригоже покинуть". Мы видели, что для отстранения причин к неудовольствию, возбуждаемому постоянно из Запорожья, уничтожен был винный откуп, или аренда, но уничтожен на время, чтоб попробовать, можно ли без него обойтись. Опыт оказался неудачен: гетман отовсюду начал получать донесения, что при сборе денег с торгов и шинков великие споры и вздоры чинятся и в деньгах против прежней аренды оказался большой недостаток. Во время Рождественского съезда старшин и полковников в Батурин гетман объявил им, что опыт не удался и как быть? Старшина и полковники отвечали, чтоб гетман бил челом великим государям о присылке денег на жалованье охотничьему войску и на другие войсковые расходы, потому что и прежде, по челобитью гетмана Самойловича, царь Федор Алексеевич прислал десять тысяч золотых червонных. Мазепа написал об этом боярину Льву Кирилловичу Нарышкину и думному дьяку Украинцеву. Письменного ответа он не получил, только словесно наказано посланнику: "Прежде по многой доуке гетмана Самойлова посланы были деньги 30000 золотыми червонными из имени боярина Матвеева; а теперь бить об этом челом гетман не должен, потому что теперь такой нужды, какая была во время чигиринских походов, нет, особенно же потому, что всякие доходы в Малороссии за гетманом, старшиною и полковниками, и бить еще челом о деньгах стыдно". Когда старшина и полковники съехались в Батурин после Светлого воскресенья 1694 года, Мазепа объявил им ответ из Москвы. Старшина и полковники сказали, что когда так, то надобно опять ввести аренду, аренда выгоднее, а поборы черному народу тягостнее, потому что поборы берут и с того человека, который одним хлебом, без промыслов довольствуется, отчего бедный человек до конца разоряется. Гетман возразил, что пойдут опять крики из Запорожья; ему отвечали на это, что запорожцам от аренды никакой тягости нет, тягостнее народу их запорожская аренда, которая в Сечи заведена: изо всякой куфы вина берут на старшину и на куренных атаманов третью долю, остальное же вино велят продавать по той цене, какую они же наложат, а не вольною ценою. Тогда гетман сказал полковникам и знатым товарищам, чтобы они, возвратясь домой, велели везде, в городах и селах, собирать людей и советоваться с ними, поборам ли быть или аренде? Так и было сделано во всех городах, городках и селах, и повсюду единогласно приговорили - быть аренде. Гетман, получивши донесения об этом, отправил их в Москву с просьбою о милостивом повелительном указе.